

Идеальная инюзия

Неуместные мысли проносятся у меня в голове,
словно кинолента, и я ничего так сильно не хочу, как оказаться
в его руках, упасть с ним в неизвестность.

КЛАУДИА ТАН

Запретное желание

Клаудиа Тан

Идеальная иллюзия

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

Тан К.

Идеальная иллюзия / К. Тан — «Издательство АСТ»,
2021 — (Запретное желание)

ISBN 978-5-17-145658-0

От игры на публику до настоящей романтики? Сможет ли Алекс открыть свое сердце (и разум), чтобы впустить в него печально известного плейбоя Дэниела Керрингтона? Когда компания ее родителей терпит крах, Алекс Вудс оказывается во власти миллиардера Гарри Керрингтона, готового выручить их, но за определенную плату, – она должна согласиться на помолвку с его сыном сроком на три года. Три года жизни, поставленные на паузу. Три года, которые она должна притворяться. Три года она не вернется... Дэниелу не нравится эта сделка, но он соглашается на нее пойти, чтобы доказать отцу, что он может управлять компанией. Поэтому, когда искры не просто летят, а разгораются в настоящее пламя, он готов сделать все, чтобы доказать Алекс, что достоин ее. Но дело в том, что она не знает, сможет ли когда-нибудь доверять ему или своему сердцу – и то и другое предало ее раньше...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-145658-0

© Тан К., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	36
Глава восьмая	41
Глава девятая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Клаудиа Тан

Идеальная иллюзия

Claudia Tan

Perfect illusion

© 2021 by Claudia Tan

The author is represented by Wattpad

© Ольга Моренко, перевод на русский язык

В оформлении издания использованы материалы по лицензии @shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава первая

В моей новой квартире гудят трубы.

И это не тот вид гудения, при котором трубы слегка поскрипывают, после того как внутри скопилось немного ржавчины. Это звук, напоминающий крик банши, от которого у меня практически лопаются барабанные перепонки, заставляя меня выронить полную коробку туалетных принадлежностей, которые разлетаются по всему полу ванной комнаты.

– *Кара!* – кричу я своей лучшей подруге, что перетаскает коробки в гостиную нашей новой арендованной квартиры. Я чувствовала, что это место слишком хорошее, чтобы быть правдой, особенно учитывая ту арендную плату, которую назвала Кара, и столь удачное расположение – всего в двух шагах от кампуса.

Кара заглядывает в ванную, чтобы посмотреть, что за шум.

– Что? – Она невинно моргает.

– Ты обещала, – огрызаюсь я. – Обещала, что в этот раз все будет иначе.

– Так и есть!

– Совсем нет. Трубы издают странные звуки.

– Ой, да ладно тебе! Трубы вечно шумят.

Кара отмахивается от меня рукой. Я следую за ней по пятам из ванной.

– Неужели? Потому что я, насколько мне известно, не подписывала договор аренды на квартиру, внутри системы водоснабжения которой поселился демон.

– Ох, да брось, Алекс. Не будь такой мелодраматичной, – говорит она и передает мне коробку с надписью «Кастрюли, сковородки и прочее барахло». – Вот, отнеси на кухню.

Я выхватываю у нее коробку, недовольно скривив губы. Кара – моя лучшая подруга со времен старшей школы, и, хотя я люблю ее, как свою давно потерянную сестру, мы с Карой во многом отличаемся. Кара – весьма беззаботный человек, никогда не задумывающийся над мелочами жизни, девушка, живущая настоящим моментом, в то время как я предпочитаю разложить все по полочкам, не упустив ни единой детали.

Но я благодарна за то, что Кара не против иметь дело с этой стороной меня. Я люблю ее до чертиков. Когда мы только поступили на первый курс, мы очень расстроились, узнав, что не сможем быть соседями по комнате, поэтому в этом году решили арендовать на двоих квартиру, чтобы больше не разлучаться. Но я, естественно, совершила абсолютную, глупую ошибку, доверив Каре поиск квартиры. «*Что может пойти не так?*» – задалась я тогда вопросом.

Знаменитые последние слова, прежде чем все пойдет наперекосяк.

– Дело не только в трубах, Кара. Углы на потолке покрыты плесенью, – указываю я. – И я практически уверена, что один из светильников в моей спальне перегорел. Ты хоть осматривала квартиру перед тем, как сказать мне, что *именно* здесь мы будем жить весь второй курс?

– Конечно. Изначально все казалось нормальным, – настаивает Кара. Она бросает коробку, которую держала в руках, и неторопливо входит на кухню, проводя пальцами по своим светло-рыжим волосам.

Даже после нескольких часов перетаскивания вещей по квартире она все еще выглядит восхитительно, даже прическа не растрепалась. Кара проводит большим пальцем по своим надутым губам.

– Ты права, извини. Возможно, я действительно только посмотрела несколько фотографий на «Зиллоу»¹ и сразу решила оформить аренду.

– Кара!

¹ Американская онлайн-платформа в сфере недвижимости. – *Здесь и далее прим. пер.*

– Ну прости, – хнычет она и обхватывает меня своими руками, пытаюсь унять мое раздражение. – Я была так счастлива. Мы впервые будем жить вместе! То есть, когда мы в последний раз ночевали в комнатах друг друга? Я почти не видела тебя на первом курсе.

Я нахмурилась, столкнувшись с горькой правдой.

В прошлом году я и в самом деле была не такой уж хорошей подругой. Я большую часть года провела, запершись в своей комнате, как можно усерднее готовясь к лекциям и экзаменам. Я горжусь тем, что сдала все тесты и стала одной из лучших студентов на своем потоке, но часть меня понимала, что из-за этого пришлось пропустить все типичные для студента развлечения, которые я, вероятно, была обязана испытать. Вечеринки, похмелье, секс. Моих родителей это, наверное, порадует, но я, стыдно признаться, опыта в этих трех дисциплинах практически не имею.

Может быть, это мой год, чтобы наверстать упущенное. Если наберусь храбрости, конечно же.

– Знаю. И попытаюсь это изменить, ладно? – Крепко сжимаю ее руки в своих ладонях. – Я обещаю быть лучшей подругой, чем когда-либо.

– Я просто хочу, чтобы у тебя была насыщенная студенческая жизнь. – Кара нежно треплет меня за щеки, прежде чем отпустить. Она засовывает руку в карман джинсов и достает помятый флаер. – И я знаю, с чего мы начнем. – Она многозначительно шевелит бровями. – Какая-то девушка раздавала это в холле, и мне кажется, что мы обязаны туда пойти. Судя по всему, некий старшекурсник только что перевелся из Мадридского университета и устраивает безумно грандиозную вечеринку. Выпивки, очевидно, будет достаточно, чтобы вся толпа страдала от похмелья и тошноты всю следующую неделю.

– Звучит восхитительно, – отвечаю я с фальшивым весельем в голосе.

Кара бросает на меня многозначительный взгляд.

– Ты обещала быть открытой всему новому в этом году.

– Окей, ладно. Если хочешь пойти, я присоединюсь к тебе, – уступаю я, выхватывая у нее флаер и просматривая его содержимое.

Здесь нет ничего такого, что поведало бы о том, кто именно устраивает вечеринку. Но стоит мне прочесть строчку «Горячие девушки приветствуются!!!», как я громко фыркаю. Ясноенько, у нас тут очередной печально известный вид под названием «парень-трахающий-все-подряд».

– Кто вообще этот парень? Да и кто переводится в другой колледж на последнем курсе?

– Он сын одного невероятно богатого чувака отсюда, из Бостона. Летом, во время поездки на Ибицу, он переспал с женой влиятельного политика Испании. Потому отец вернул парня домой, чтобы хоть как-то исправить ситуацию, – объясняет Кара.

«М-да».

– Похоже, славный малый.

– Не беспокойся, мы пойдем не ради него. Мы пойдем веселиться, пить и отлично проводить время!

– Хорошо. – Я покоряюсь ей, скрещая руки на груди. – Тогда научи меня, как отлично проводить время.

– Для начала я сделаю тебе макияж.

Я киваю.

– По рукам. Но только после того, как мы разберемся со всем этим. – Я указываю на дюжину коробок, составленных перед нами в гостиной.

Мы с Карой долго таращимся на объем работы, с которой нам предстоит справиться прежде, чем доберемся до вечеринки. Как минимум две трети коробок нужно еще распаковать. Меня озадачивает то, что мы прозанимались этим все утро и почти никуда не продвинулись.

– Я забираю вещи обратно и возвращаюсь в общежитие, – тихо сообщаю я.

– Только попробуй. – Кара игриво пихает меня, и я невольно смеюсь.

* * *

Вечеринка, на которую рвалась Кара, находится всего в пяти минутах езды на такси.

Мы подъезжаем к Бикон-Хилл – престижному району, о проживании в котором большинство людей может только мечтать. Я обожаю этот район, потому что он всегда напоминает мне о Рождестве: вымощенные камнем дорожки, кирпичные таунхаусы и мигающие огни на колониальных фонарных столбах заставляют чувствовать меня так, будто я оказалась в романтической комедии.

Вечеринка проходит на третьем этаже таунхауса, который будто бы кричит: *«Ты никогда не сможешь меня себе позволить»*. На лестничной площадке выстроилась огромная очередь тусовщиков, которые с нетерпением ожидают, когда их впустят внутрь. У большинства зажаты в руках красные пластиковые стаканчики, а несколько уже смятых скатываются вниз по ступенькам, когда все больше людей скрываются в главном зале. Я дергаю Кару за руку.

– Только посмотри на эту толпу, мы точно не попадем внутрь.

– Не волнуйся. Попадем. Я знаю одного парня.

Кара проталкивает нас выше и выше, пока мы не добираемся до входной двери. Там она обращается к высокому здоровенному вышибале и бормочет ему пару слов, которые я не могу разобрать. Он бегло оглядывает нас и кивает на дверь, отступая в сторону и пропуская нас внутрь.

«Вау, это было просто». Мне действительно нужно почаще выбираться в свет вместе с Карой. Похоже, у нее везде есть связи.

Центральный зал битком набит студентами. Здесь почти не протолкнуться; и, когда я оказалась в этом тесном пространстве, по моей груди тут же расплзлось нервное, тревожное ощущение. Музыка в стиле тек-хаус разносится по всей комнате, а это – в сочетании с бесконечными, перекрикивающими друг друга голосами и разговорами – означает, что я едва ли слышу свой собственный голос. В толпе замечаю знакомые лица, некоторые из которых были моими однокурсниками, но они вряд ли знают меня, потому что у меня нет привычки с кем-то разговаривать во время занятий. Вместо этого я предпочитаю сливаться со своим местом в единое целое, насколько это возможно. Мое тело сталкивается с другими, пока Кара продолжает тянуть меня сквозь толпу людей, отчего я чувствую себя неловко.

Мы в конце концов протискиваемся к месту, где почти никого нет, и оказываемся в углу гостиной, которая превратилась в полноценный бар. Хозяин вечеринки действительно не пожалел денег. Хотя, будь я настолько богата, сделала бы точно так же.

– Я скоро вернусь! – кричит мне Кара. Но звучит как шепот среди какофонии звуков.

– Ты бросаешь меня? – Я не могу побороть беспомощные нотки, проскочившие в моем голосе.

– Я быстро. Нужно кое с кем поздороваться. – Она сжимает мою руку. – Меня не будет пять минут! Максимум. Обещаю!

– Хорошо, давай! – отвечаю я, подталкивая ее вперед. Мне, вероятно, следует выбраться из-под ее крыла и покинуть родовое гнездышко.

Мне почти стыдно за это, ведь я уже на втором курсе колледжа, а Кара до сих пор мой единственный друг. И, строго говоря, она даже не считается, потому что эту дружбу я завязала не в колледже, а задолго до него.

Я такая неудачница.

За барной стойкой расположены два окна во всю стену, распахнутых настежь, что позволяет полуночному ветерку проникать внутрь. Из квартиры открывается потрясающий вид на

реку Чарльз, водная гладь которой блестит под шелковой дымкой лунного сияния. Это единственное, что здесь способно успокоить меня.

И хотя мне кажется, что большая часть моей жизни уже распланирована, я не могу отделаться от мысли, словно все должно было сложиться иначе. В детстве я разработала целый путеводитель к успешной жизни, который включает в себя степень в области архитектуры, чтобы однажды занять пост генерального директора компании моих родителей «Вудс энд Ко». Они являются одними из крупнейших подрядчиков недвижимости во всем штате Массачусетс. Родители внесли значительный вклад в благоустройство бостонского пейзажа, поэтому всякий раз, когда я смотрю в сторону реки Чарльз, во мне разгорается гордость. Мама и папа с юных лет готовили меня к тому, что после их ухода на пенсию я возглавлю компанию, и мне очень хочется оправдать их ожидания. Думаю, именно поэтому я так усердно училась в прошлом году, чтобы обеспечить себе хороший задел на будущее.

В этот самый момент меня с силой отодвигает в сторону особь мужского пола. Из-за темноты я не могу разглядеть его лица, только то, как он перегибается через стойку, чтобы выкрикнуть заказ бармену, показывая два пальца, в то время как его внимание полностью приковано к великолепной рыжеволосой девушке, почти вплотную стоящей справа.

– Никогда раньше не пробовала «Белый русский», – бормочет она с сильным египетским акцентом, пока ее пальцы обольстительно скользят по груди мужчины. – Но и американского плейбоя, кстати, тоже. Но я чувствую, что твой вкус мне понравится.

Когда он усмехается, потолочные стробоскопы на секунду освещают его лицо, но этого хватает, чтобы я узнала его.

Все мое тело напрягается.

Нет.

Нет, нет, нет, нет, нет, нет. Этого не может быть.

Только не *он*.

Я наклоняюсь, чтобы получше его рассмотреть.

Вот черт, я *не* ошиблась.

Его светлые волосы беспорядочными волнами спадают на лицо, отбрасывая тени на его голубые глаза, обрамленные длинными густыми ресницами. Те же самые скулы, широкие и хорошо очерченные. Легкая щетина, которой раньше не было, оттеняет волевой изгиб его челюсти.

Бицепсы выпирают под белой классической рубашкой, которая надета на нем, что привлекает внимание других девушек на танцполе. Они перешептываются между собой и хихикают, вероятно, думая о том, как избавиться от рыжеволосой, чтобы получить свою порцию общения с ним. Не могу их винить: он невероятно красивый мужчина.

Жаль, что нутро его полно дерьма.

Да уж. Мне нужно уйти. *Сейчас же.*

Если бы я только знала – *боже*, если бы я только знала, что перевелся именно *он*, что это *его* вечеринка...

Я поворачиваю голову в противоположном направлении и медленно пытаюсь отойти от него хотя бы на дюйм, но рыжеволосая продолжает подталкивать его ко мне.

«Я для них что, стена?»

Не буду врать, мне бы хотелось превратиться в нее прямо сейчас.

Его спина прижимается к моей, и я глупо задерживаю дыхание, чтобы проверить, смогу ли задохнуться и упасть замертво прямо на месте. По крайней мере, в этом маловероятном сценарии, – если он действительно случится, – я умру, зная, что мне не придется разговаривать с этим человеком.

– Ну, лучше пей до дна, детка, потому что «Белый русский» не единственное, что не даст тебе спать всю ночь, – рычит он рыженькой, его глубокий голос раздражает мою нервную

систему. Бармен ставит перед ними два бокала с мартини, но никто из них не обращает внимания на напитки. Рыжая кокетливо смеется и притягивает мужчину к себе, впиваясь в его губы голодным поцелуем.

И-и-и-и-и это отличный момент, чтобы свалить.

Но когда я пытаюсь незаметно ускользнуть, он притягивает ее к своему телу, и они уже собираются прислониться ко мне, как мужчина чувствует, что «стена» куда-то подевалась, а буквально через несколько секунд...

...он и его спутница валяются на пол.

Толпа на пару мгновений замолкает, стараясь осознать, что происходит, пока парочка пытается подняться на ноги.

– Что за х?.. – По его лицу пробегает замешательство.

Я пытаюсь отвернуться, что совершенно бесполезно, потому что меня буквально поймали на месте преступления. Быстро исчезнуть все-таки не получилось, и я практически ощущаю, как его презрительный и полный узнавания взгляд испепеляет мое тело.

– Ты. – Он одаривает меня самым мерзким угрюмым взглядом, который я когда-либо видела.

Набравшись храбрости, я медленно оборачиваюсь.

– Эм... – Я запинаясь. – Чо как, приятель?

Бог ты мой. Я вообще слышу себя?

«Чо как, приятель? Серьезно? Это лучшее, на что ты способна, Алекс?»

Он поднимается с пола и начинает приближаться ко мне, пока гнев вытекает из него весьма осязаемыми волнами.

– Ты та девица из ресторана. *Стерва*. – Его голос буквально сочится неприкрытой желчью.

– *Что, прости?* – Я абсолютно растеряна. – Как ты меня только что назвал?

Вместо ответа на мой вопрос он смеется.

– Ты слышала меня. *Стерва*-официантка, которая от скуки решила поиграть в героя, чтобы не чувствовать себя пустым местом.

Как он *посмел* так сказать! Когда его вины было не меньше моей.

– Иди к черту. – Я усмехаюсь, а когда остатки самообладания рушатся, хватаю его мартини со стола и выплескиваю нахалу в лицо.

И тут же бросаюсь напрямиком к выходу.

Глава вторая

Два года назад

– Вы бронировали столик, сэр?

Я нахожусь за стойкой хостес, а мои пальцы зависли над клавиатурой компьютера. Немного натянуто улыбаюсь стоящему передо мной мужчине и стараюсь выглядеть максимально естественно. Натянуть маску дружелюбия, чтобы поприветствовать гостей ресторана, как правило, не составляет труда. Но этот человек, очевидно, исключение.

Бдительный менеджер, стоящий в нескольких футах от меня и приветствующий гостей, – единственное, что заставляет меня вести себя наилучшим образом. До меня доносятся тихие разговоры людей, отдыхающих в своих кабинках, и звон винных бокалов, и я ничего так сильно не хочу, как обслужить любого другого гостя, но только не его.

Я наблюдаю за мужчиной, что стоит передо мной. На нем как обычно идеально скроенный костюм – на этот раз темно-синего цвета, а не черного, который он носил большую часть времени. Его светлые волосы разделены на прямой пробор и зачесаны назад, оставляя несколько прядей спадать на лоб, чтобы придать ему образ молодого Брэда Питта, известного как «Я стараюсь всем понравиться, но не сильно». Хотя я почти уверена, что он провел не меньше часа, укладывая волосы, прежде чем приехал сюда.

Словно по сигналу, уголки губ мужчины приподнимаются, один из них дергается быстрее, демонстрируя фирменную улыбочку, перед которой женщины любят преклоняться. Однако улыбка направлена не на меня, а на привлекательную девушку, которая прижимается к его боку. Мужчина ладонью скользит за спину своей спутницы, спускается по ее позвоночнику вниз, вдоль талии и останавливается на заднице.

Истинный джентльмен, как я погляжу.

Физически невозможно бороться с раздражением, отображающимся на моем лице.

Когда он заговаривает, его голос низкий и ровный, но взгляда от своей спутницы он не отрывает:

– Да. Столик на имя Дэниела Кэррингтона.

Конечно же, бронь имеется. Она была на одно и то же имя каждый раз, когда он посещал этот ресторан. Не понимаю, почему он так заиклен на том, чтобы вести себя по-идиотски.

– Дэниел Кэррингтон, – повторяю я, притворяясь, что печатаю.

Пальцами слегка касаюсь клавиатуры, просто чтобы заставить их подумать, что я проверяю наличие брони. Но мне даже стараться не нужно, я и так знаю, что она есть.

Каждую субботу после обеда он звонит в «Бэйзил Китчен», чтобы забронировать столик на двоих на семь часов вечера. Он всегда просит угловую кабинку прямо у окна – самое лучшее место во всем ресторане, по моему мнению. Меня тревожит то, что он уже на протяжении полутора месяцев занимает один и тот же столик, из-за чего другие завсегдатаи заведения действительно недовольны.

Но я ничего не могу с этим поделать. Парень, которому принадлежит ресторан, ведет какие-то дела с отцом Дэниела, Гарри Кэррингтоном, поэтому мы следуем строгому приказу – окружить отпрыска Гарри тошнотворно исключительным обслуживанием.

Я несколько раз щелкаю мышкой, делая вид, что просматриваю нашу базу данных в поисках его имени.

– Ах да, Дэниел Кэррингтон. Столик на двоих.

Конечно же, он в курсе, что я его прекрасно знаю. Я работаю полную смену в «Бэйзил Китчен» уже целое лето, и мое лицо – первое, что он видит, заходя в ресторан. Либо он слишком глуп и не узнает меня, либо рассчитывает на мое молчание.

Судя по всему, мы оба любим носить маски.

Я просто удивлена, что он не узнал меня. Не только из-за «Бэйзил Китчен», но и из-за нашей с ним давней истории.

Я знаю о Дэниеле Кэррингтоне и его семейном бизнесе с тех пор, как научилась понимать сложносочиненные предложения. Мои мама и папа не самые большие поклонники предприятия Кэррингтонов. Они являются крупнейшими застройщиками во всем Массачусетсе, а на их счету не менее половины роскошных жилых комплексов Бостона. Если в Бостоне появляется новый перспективный район, который подвергается реконструкции, за этим, скорее всего, стоит «Кэррингтон Энтерпрайзес». Это делает их одной из самых богатых семей в этом городе, а возможно, и во всем штате.

Гарри Кэррингтон даже украсил страницу «Форбс» в прошлом году, заняв семьдесят шестое место в списке «400 богатейших американцев». Не так уж и плохо, хотя он ясно дал понять всем журналистам, что планирует превратить эту цифру в однозначное число в ближайшие пять лет.

Очень амбициозный человек, пусть и придурок.

А мой отец неимоверно его презирает.

В прошлом у «Вудс энд Ко» были непростые отношения с «Кэррингтон Энтерпрайзес». Мне было пять лет, когда они вместе начали работать над масштабным проектом, но где-то на полпути все пошло под откос, потому что Гарри захотел использовать более дешевые строительные материалы, дабы сократить расходы. Мой отец упорно отказывался экономить на качестве, и тогда Гарри увидел в нем помеху для проекта, избавившись в итоге от «Вудс энд Ко».

Из-за этого компания родителей потеряла большую часть своего дохода, но мой отец держался за свои принципы добросовестности и честности до последнего. Он действительно хотел, чтобы эти ценности укоренились в самом ядре компании.

С тех пор «Вудс энд Ко» не участвовала ни в одном проекте с компанией Гарри, но из-за общей сферы деятельности избегать друг друга они были не в состоянии. Я множество раз посещала отраслевые выставки и конференции вместе с родителями, которые также бывал и Гарри; своими собственными глазами видела, как обе стороны натягивали фальшивые улыбки и притворялись, что не ненавидят друг друга до глубины души, пока болтали о будущем земельной собственности Бостона.

Иногда на этих выставках я замечала Дэниела. Он же никогда не обращал внимания на меня, – совсем как сейчас, – а только крутился вокруг деловых партнеров своего отца, которые были более чем счастливы развлекать его в течение всего дня, просто чтобы расположить к себе Гарри.

Он сильно изменился с того времени. Конечно, я уже много лет не посещала подобные мероприятия вместе с родителями, так что у нас давно не выдавалось случая пересечься. Последний раз, когда я видела Дэниела, ему было лет пятнадцать или шестнадцать – еще совсем мальчишка с растрепанными золотистыми волосами и нестерпимо мечтательными голубыми глазами. Уже тогда все знали, что он вырастет в поразительно красивого и обаятельного мужчину.

Я замечаю, как спутница Дэниела смотрит на него: земля разверзнется под ее ногами быстрее, чем ей в голову придет отвести от него взгляд.

И то, как Дэниел смотрит на нее в ответ, вызывает у меня приступ тошноты. Его томный взгляд медленно и неторопливо скользит по ее телу, задерживаясь на груди, прежде чем снова фокусируется на лице. В его глазах блестит голод, как будто он знает, *что* собирается сделать с ней сразу после обеда, а она ему это позволит.

Так происходит всегда.

Дэниел Кэррингтон всегда добивается своего, и сегодняшний вечер не станет исключением.

Я прочищаю горло, сжимая в руках два меню, которые взяла со стойки.

– Пройдемте за мной, мистер и *миссис* Кэррингтон...

Его передергивает от возмущения.

– Вообще-то мы не...

Девушка от удивления смеется.

– Вау, мне нравится, как это звучит.

Едва ли она понимает то, что у Дэниела даже второго свидания с ней не будет, не говоря уже о шансе стать будущей миссис Кэррингтон.

По правде говоря, это были самые увлекательные несколько недель в моей жизни. Когда отец сообщил, что мне нужно поднабраться хоть какого-то опыта перед отъездом в колледж, я предположила, что буду работать в компании родителей. И каково было мое удивление, когда он сказал, что устроил меня на работу в «Бэйзил Китчен» – в один из ресторанов, которые он построил. Я, в конце концов, рассчитывала провести лето, изучая азы строительного бизнеса, поэтому устраиваться на работу простой официанткой показалось мне весьма не эффективным.

Но отец настаивал на том, что я еще слишком юна, чтобы беспокоиться о бизнесе. *«Я хочу, чтобы ты наслаждалась летом, – сказал он тогда. – Еще успеешь поработать в компании. Все-таки это большая ответственность, и я хочу, чтобы ты с ней справилась, когда придет время. Кроме того, ты сможешь поднакопить немного денег на первый семестр в колледже».*

Конечно же, он был прав. А я, естественно, волновалась, потому что это была моя первая работа, и она мне нравилась. Персонал в «Бэйзил Китчен» невероятно дружелюбен и делает все возможное, чтобы я вписалась в коллектив. Я всегда с нетерпением ожидаю наших небольших посиделок в подсобке кухни после окончания смены, чтобы поболтать и посплетничать о гостях, которые входили в двери ресторана.

А самый известный из них – Дэниел Кэррингтон.

Он всегда придерживался определенного порядка действий всякий раз, когда приводил девушку в ресторан. Во время свидания позволял девушке говорить, не замолкая. Изображал из себя заинтересованного слушателя, кивая в ответ на все, что она говорила, и делая вид, что понимает ее чувства и прислушивается к ним. Но на самом деле ее голос был для Дэниела не более чем неприятной мелодией из лифта, а его внимание уже переключалось на следующий этап завоевания.

Свидания постоянно протекали следующим образом. Когда его спрашивали о себе, он выдавал минимум информации, вероятно, чтобы избавиться от назойливых трудностей, что возникали на следующее утро. Свидание обычно длилось около сорока пяти минут. Дэниел всегда старался заказывать блюда, которые не требовали больших затрат времени, но просил бутылку дорогого шампанского, дабы показать своей спутнице, что он серьезно настроен потратиться на нее, завоевывая тем самым доверие. После оплаты счета он брал девушку за талию, сопровождал из ресторана в свою квартиру, что находилась прямо через дорогу и, ну... наступало утро *после*.

Некоторые сотрудники даже являлись в ресторан пораньше, чтобы мельком увидеть их в начале следующего дня. Девушка выплеснет всю свою ярость на Дэниела, обвиняя его во лжи, которую он ей наговорил. А он даже не соизволит отрицать. Просто пожмет плечами и попросит ее – чаще всего в ужасно грубой форме – уйти. Слезы будут застилать ее лицо, пока она стоит на тротуаре, сердито тыкая пальцем по телефону, чтобы вызвать такси до дома, в то время как он возвращается обратно в свою квартиру.

Он даже не *помогал* им вызвать «Убер».

Чертовски жестоко.

Я не сомневалась, что во многом он похож на своего отца. Черствый, бесчувственный мудака. И хотя наши с ним разговоры затрагивают только то, что он предпочитает заказать из меню и не хотят ли они еще шампанского, я абсолютно убеждена в том, что он ужасный человек.

– Сюда, мистер и миссис Кэррингтон, – говорю я, продвигаясь по ресторану.

Дэниел и его спутница следуют за мной.

Сегодня одна из самых напряженных ночей: в летний период в ресторан стекается немало туристов, потому что «Бэйзил Китчен» является самым популярным местом в городе. Я была так занята сверхурочной работой, что у меня практически не оставалось времени видаться с кем-то вне ресторана, особенно с Карой. Бьюсь об заклад, она с удовольствием послушала бы о похождениях Дэниела: она буквально живет и дышит ради сплетен.

– Ваш столик, мистер и миссис Кэррингтон, – сообщаю я и взмахом руки приглашаю их к кабинке.

Он смотрит на меня, и его раздражение нарастает. Я изо всех сил борюсь с желанием хихикнуть.

Когда они оба, наконец, усаживаются на места, я вручаю им меню и отхожу в сторону, чтобы они могли определиться с заказом. Дэниел делает вид, что просматривает меню, как будто не делал этого сотни раз, и швыряет мне его обратно.

– Мне только салат, пожалуйста, – говорит он ровным тоном. – И лучшую бутылку вашего шампанского.

– Вот это да. Ты действительно знаешь, как правильно обращаться с девушками, – лепечет подружка, протягивая руку, чтобы накрыть его ладонь своей.

– Все самое лучшее для тебя, милая. Лучшие вещи для самой лучшей девушки. – Он подмигивает ей, и она выглядит так, будто вот-вот рухнет в обморок от счастья.

Господи, возьми себя в руки, девочка.

Если бы она *только* знала, чем все обернется...

«Не смей, Алекс. У тебя будут большие неприятности, если ты что-нибудь скажешь. Просто заткнись».

– В таком случае мне баранью рульку, пожалуйста.

Подруга Дэниела закрывает меню и возвращает его мне. Я записываю заказ и тороплюсь на кухню, чтобы внести его в систему. Прохожу мимо одной из официанток, Марианны, которая составляет тарелки на свой поднос.

Она бросает на меня озорной взгляд, увидев, что я отошла от столика Дэниела.

– Может, подкинешь ему что-нибудь в салат, – любезно предлагает она.

– Ну уж нет. Мне не нужны проблемы.

– Возможно, оно того стоит. Мы, девочки, должны держаться вместе, не так ли?

Она слегка подталкивает меня локтем. Ее взгляд прикован к новой пассии Дэниела, которая только что поднялась из-за стола и направилась в уборную, но не раньше, чем бросила в его сторону застенчивый и смущенный взгляд.

– Бедняжка. Прилипла к нему, как репейник, и даже не знает, что ждет ее поутру.

– Я в курсе. Но это не наше дело.

– Как скажешь. – Она пожимает плечами, хотя, кажется, хочет сказать что-то еще.

Шеф-повар ставит блюдо на сервировочную стойку, и Марианна передает его мне.

– Вот. Закуска для четвертого столика.

Место Дэниела. Я с подозрением смотрю на нее и принохиваюсь к тарелке. Марианна смеется.

– Не парься, я не настолько злобная.

– Что-то я в этом сомневаюсь, – ехидно замечаю я, но все равно хватаю тарелку. Если на этой тарелке и есть что-то, чего там быть не должно, я не собираюсь торчать здесь и выяснять это.

Спустя еще двадцать минут моих дежурных обходов столиков с гостями, включая периодическое подливание шампанского в кабинке Дэниела, менеджер отзывает меня в сторону и пихает мне ведро со шваброй.

– Дежурство в уборной.

– Уже? Я час назад там все убрала.

– Кто-то пожаловался на протечку воды в одной из женских кабинок.

– Ладно.

Я выхватываю у него оружие санитарного уничтожения и направляюсь напрямиком в женскую уборную.

В этот момент я замечаю, как спутница Дэниела покидает кабинку и приближается к раковине. Она не обращает на меня никакого внимания, пока я прохожусь вдоль кабинок, проверяя, в какой из них образовалась протечка. Она моет руки и напряженно смотрит на себя в зеркало. Ее тело дрожит от нервного перенапряжения, и она обхватывает свои плечи, чтобы хоть немного унять волнение.

– Все в порядке, ты сможешь это сделать, – бормочет она себе под нос. – Ты хочешь этого, а он такой крутой парень... Ты сможешь.

Внутри у меня все переворачивается. Она размышляет о том, хочет ли заняться сексом с Дэниелом?

«Хватит подслушивать! Это не твое дело, Алекс».

Я заглядываю в предпоследнюю кабинку, где и замечаю лужу воды под унитазом. Втиснувшись в узкое пространство, приступаю к работе.

– Давай, возьми себя в руки, ты сможешь *сделать* это, – снова слышу я. – Он уже сказал, что влюблен. Ничего страшного, если это твой первый раз, верно? Он не будет возражать... Наверное.

Бог ты мой.

Она девственница.

Гнев вскипает во мне, потому что я прекрасно осведомлена о том, чем в итоге все обернется.

«Но вдруг с этой девушкой все иначе. Может, Дэниелу она действительно нравится...»

А что, если *нет*? Я не знаю эту девушку, но при мысли о том, что она станет одной из тех бедняжек, которая завтра утром окажется на тротуаре с несчастным видом и со слезами, стекающими по щекам... Рядом с этим мерзавцем, который отвергнет невинную девушку так же, как и всех остальных. Как Гарри кинул моего отца и многих других.

«Это не мое дело».

Не знаю, смогу ли позволить этому произойти. Какая-то часть меня кричит хранить молчание, как и всякий раз до этого. Но другая часть, импульсивный внутренний голосок, побуждает мои инстинкты, заставляя что-нибудь сделать, что угодно...

Возможно, оно того стоит.

«Но это не мое дело».

Прежде чем успеваю осмыслить свои дальнейшие действия, я отбрасываю швабру и ведро в сторону, толкаю дверь кабинки и стучу девушку по плечу. Она с недоумением во взгляде оборачивается.

«Не мое дело, не мое дело, не мое дело...»

– Привет, – немедленно говорю я. – Ты меня не знаешь, но я здесь работаю. И мне нужно тебе кое-что рассказать.

Глава третья

Она бьет его прямо по яйцам.

Какое зрелище.

Весь ресторан взрывается потрясенными вздохами. Мой рот приоткрывается от удивления. Марианна разражается смехом где-то на кухне.

Девушка отодвигается и выходит из ресторана, а на ее лице проступает истинное удовольствие.

Дэниел издает сдавленный звук и корчится в ужасной агонии.

– Что, черт возьми, случилось? – гремит мой менеджер, а его тело содрогается от паники.

– Без понятия. – Ложь с легкостью срывается с моих уст. Как будто это не я провела последние десять минут, в мучительных подробностях рассказывая девушке об остальных пассиях, с которыми Дэниел входил в двери «Бэйзил Китчен» с начала лета, и о длинном списке лжи, которую он извергал только ради того, чтобы затащить их в постель.

– Он говорил, что не видел настоящей красоты, пока не встретил меня, – простонала она в уборной. – Говорил, мол, моя, как океан, бескрайняя нежность и глубокая любовь. Чем больше я тебе даю, тем больше остается, ведь обе – бесконечны.

– Дорогая, не знаю, как тебе это сказать, – смущенно отозвалась я, слегка похлопав ее по плечу, когда она вытащила из диспенсера салфетку, чтобы вытереть слезы с лица. – Но это написал Шекспир.

Она фыркнула.

– Шекспир?

– «Ромео и Джульетта». Величайшая история любви всех времен.

– О, имеешь в виду, как... в том фильме? С Леонардо Ди Каприо? – простонала она. – Поверить не могу, что он украл фразу у моего любимого Лео.

– Мне жаль, что все так вышло, – посочувствовала я. – Послушай, ты могла бы не говорить Дэниелу, кто именно разболтал о его...

– Конечно. Женская солидарность. Так что не беспокойся.

Я улыбаюсь ей. *Женская солидарность...* Мне нравится, как это звучит. Она швырнула салфетку в мусорное ведро, а затем жала мою руку и с благодарностью улыбнулась.

– Спасибо, что рассказала мне.

– Никаких проблем. Хочешь я вызову тебе такси, чтобы ты могла добраться до дома?

– Нет, спасибо, – пробормотала она, поправляя платье. – У меня есть одно неоконченное дельце перед уходом.

Затем девушка выскочила из уборной и двинула ему между ног.

И я ненавижу себя за то, что насладились каждой минутой случившегося.

Теперь же мой менеджер снует туда-сюда вокруг Дэниела, который пытается охладить свое хозяйство пакетом льда прямо посреди ресторана. Просто уморительное зрелище.

Как бы мне хотелось рассказать отцу о том, что именно я сделала с сыном его заклятого врага, но решила пока сохранить этот маленький секрет при себе. Не знаю, как он отнесется ко мне, когда узнает правду.

Марианна подходит ко мне сзади и протягивает мне кулак.

– А ты крута.

Неловко переминаясь с ноги на ногу, я отказываюсь смотреть ей в глаза.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Да ладно тебе. Я видела, как ты входила в уборную вслед за девушкой, – сообщает Марианна, все еще сжимая кулак. – Я настаиваю, ударь своим кулаком, а то будет совсем неловко.

Я делаю, как она просит, изо всех сил пытаюсь сдержать улыбку.

– Никому ни слова.

– Мой рот на замке, – говорит она, и в ее голосе сочится веселье. – Но, надо полагать, останавливаться он не собирается, да?

Не знаю, что на меня нашло, потому что я говорю ей с невероятной убежденностью:

– Если он не остановится, тогда мне придется проявлять должную осмотрительность.

– А что случилось с твоим «это не наше дело», а?

Помогая девушке высвободиться из когтей Дэниела, я чувствовала себя превосходно. И никоим образом не собиралась останавливаться на достигнутом: даже если смогу предупредить хотя бы нескольких, прежде чем в конце лета уйду с работы, то вполне удовлетворюсь и этим.

Кроме того, Дэниел Кэррингтон – выдающийся отморозок, который это заслуживает.

– Черт его знает, – холодно отвечаю я. – Теперь я, кажется, хочу разобраться с этим дерьмом.

На губах Марианны появляется ехидная ухмылка.

– Я знала, что мы наняли тебя не просто так.

* * *

На следующей неделе Дэниел как ни в чем не бывало возвращается в «Бэйзил Китчен» с очередной блондинкой под руку. Она, бесспорно, великолепна: плавные изгибы тела, роскошная задница и длинные стройные ноги. В ее глазах горит возбужденный блеск всякий раз, когда она натывается на пожирающий взгляд Дэниела, а тело отчаянно цепляется за него, как будто он – единственный спасательный круг.

Господи боже, неужели в мире не существует ни единой девушки, которая не застрахована от его обаяния и смазливой внешности?

Даже не знаю, в кого он таким уродился. Потому что Гарри похож на мошенку.

Парочка сидит за столиком и надиктовывает свои заказы, в то время как я могу думать только о том, как застать эту дамочку наедине и рассказать ей что, черт возьми, происходит.

– Я когда-нибудь говорил тебе, что ты самая соблазнительная женщина, которую мне приходилось когда-либо встречать? – произносит Дэниел, пока я принимаю заказ у других посетителей поблизости.

– Оу, малыш, ты такой милый, – бормочет она в ответ, хихикнув.

– Если бы ты могла услышать мою душу, ты бы знала, что как только я увидел тебя, в ту же секунду отдал свое сердце служить тебе, – с хрипотцой в голосе отвечает он.

Ой. Мой. Бог. Поверить *не могу*, что он только что *снова* процитировал Шекспира. И в самой искаженной форме. Вот же напыщенный мудака.

Я выжидаю, пока не подвернется удачный момент. К счастью для меня, Дэниел вскоре извиняется, говоря, что ему нужно отойти ответить на важный звонок. Когда он исчезает из поля зрения, я быстро записываю в блокноте все, что ей нужно знать, отрываю листок и подсовываю ей прежде, чем уйти.

Девушка, пока просматривает содержимое сообщения, все больше хмурится.

– Бездушный козел!

Дэниел не успевает подойти к столику, как женщина бросается к нему и отвешивает пощечину. На его лице отражается замешательство, пока он провожает взглядом свою спутницу, вылетающую из ресторана.

Весь следующий месяц я продолжаю саботировать свидания Дэниела. С некоторыми было совсем просто, с другими возникали проблемы. Через неделю, когда он появился с миловидной брюнеткой, мне приходится проявить немного креативности, потому что на протяжении всего свидания ни один из них не вставал с места. Поэтому, чтобы отвести от себя подозрения, я заставляю одну из официанток стащить из сумки брюнетки телефон, пока она неустанно

строит глазки Дэниелу. Официантка передает устройство мне, и я наскоро набираю сообщение. Когда останавливаюсь рядом с их кабинкой, чтобы подать десерты, я возвращаю ей телефон, вскользь сообщая, что она уронила его под стол. Женщина окидывает меня благодарным взглядом, и, когда ее глаза сканируют информацию на телефоне, начинается настоящий ад.

– Ты бессердечный говнюк!

Она хватает свой напиток и выплескивает его прямо в лицо Дэниела, прежде чем в гневе удалиться.

Руководство «Бэйзил Китчен» никогда не пребывало в такой растерянности, поскольку проходили недели, а все больше и больше женщин продолжали беспрестанно подниматься и сбегать из ресторана. Марианна – единственная, кто знала, что за этим стояла я, и до сих пор не выдала меня.

Я же продолжаю заниматься своими делишками, подсовывая девушкам сообщения в кабинки туалета, или когда Дэниел отходил. Я чувствую себя своего рода мстителем, всегда скрывающимся под маской, прячущимся в тених и ни разу себя не выдавшим. Спасая женщин от зла и искушений главного злодея, словно Джеймс Бонд. За одним лишь исключением, что злодея вовсе не интересует мировое господство, а скорее... охота за кисками.

Не сказала бы, что горжусь своим маленьким клубом «Супергерои женской солидарности», в который входит всего один человек, но это по крайней мере дало мне цель в жизни. Осознавать, что мне удалось спасти некоторых девушек и уберечь их от горьких разочарований, чертовски приятно. Большинство из них были очень благодарны и обещали сохранить мой маленький секрет.

Но, естественно, мне не могло везти постоянно, и в какой-то момент Дэниел наконец-то осознал, что за всеми его любовными неудачами стоит «Бэйзил Китчен». Он ругался с моим менеджером о том, что диверсантом, возможно, был кто-то из работников ресторана. Поэтому я неохотно решила затаиться, пока шумиха не уляжется. Когда Дэниел в очередной раз приводит спутницу в ресторан, мне больно это видеть, но я абсолютно ничего не могу с этим поделать, кроме как беспомощно наблюдать за парочкой.

Спустя несколько долгих недель я в конце концов вновь приступаю к саботажу его свиданок.

В следующий раз, когда Дэниел прибывает в «Бэйзил Китчен» со своей очередной жертвой, я готова. Сняв колпачок с ручки, я быстро черкаю сообщение в своем блокноте, а когда поворачиваюсь к Дэниелу, чтобы вручить чек, незаметно передаю записку девушке. Я чувствую переполняющее меня самодовольство, упиваясь еще одним предстоящим успехом, что не сразу замечаю взгляд Дэниела, который врзается в меня с силой приливной волны, затопляя мое тело страхом.

– О, черт возьми, избавь меня от своих выходов, Алекс. – Лицо Дэниела искажается от раздражения.

– О чем вы, сэр? – отзываюсь я.

– Тебя же так зовут? Алекс? – Впервые за три месяца он обращается ко мне напрямую. Бросает взгляд на золотую бирку на моей груди, и из него вырывается глубокий смешок. – Думала, я не *узнаю*, что это ты вмешивалась в мои свидания?

Дэниел возвращает чек на стол и сует руку в карман, вытаскивая записку, которую я написала на прошлой неделе. Из меня будто весь воздух вышибли. Листок, должно быть, выпал из рук одной из девиц, прежде чем они вступили в словесный поединок, а он успел его подобрать.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, сэр, – бормочу я.

– Чушь собачья, – шипит Дэниел. – Мы оба знаем, что если я попрошу показать записи с камер видеонаблюдения, то тебя тут же уволят.

Вот *дерьмо*.

Внутри меня нарастает паника. Какого черта это ни разу не пришло мне в голову? Поверить не могу, что меня настолько поглотила ненависть к этому мужчине и желание спасти девушек, что я даже не подумала о возможных последствиях, если меня поймают.

Я влипла *по уши*.

Что отец подумает об этом? Не хочется представлять, как он отнесется к тому, что меня уволят из-за такого безрассудного поведения. Но, возможно, когда он узнает, что дело касалось Дэниела Кэррингтона, это смягчит удар.

Напряжение потрескивает в воздухе между нами, и некоторые из гостей с недоумением поглядывают на нас, задаваясь вопросом, из-за чего весь переполох.

– Но тебе повезло. Я сегодня в хорошем настроении, – спокойно сообщает Дэниел, взмахом руки подзывая менеджера. Затем он смотрит мне прямо в глаза, и на его лице растягивается усмешка. – Итак, я соглашусь на извинения. Очень хорошие извинения. Ты даже можешь получить бонусные очки, если будешь просить прощения, стоя на коленях, – продолжает он с жестокой насмешкой. – И сделай это на глазах у всех, чтобы каждый знал, что ты действительно сожалеешь.

Мой гнев настолько всеобъемлющ, что сжимает горло и заставляет руки дрожать.

Почему меня не удивляет его жестокость? Он именно *такой*, каким я его представляла – клон своего отца: бессердечный, черствый и лишенный сострадания к другому человеку. Мой отец пал жертвой подобного отношения много лет назад, а сейчас пришла и моя очередь. Думаю, мне следовало ожидать такого исхода, имея дело с Кэррингтоном, поскольку Дэниел никогда не давал мне повода думать иначе. Но он дурак, раз считает, что я буду стоять здесь, как послушная собачонка, и делать то, что он скажет. Он и его семья причинили достаточно вреда людям, и кто-то просто обязан что-то с этим сделать.

Я не знаю, что на меня находит, но слова вырываются из меня прежде, чем я успеваю их остановить:

– «Ты хоть знаешь, кто я?» – Я имитирую его претенциозный, напыщенный тон. – Ты сейчас *серьезно*? Насколько глубоко тебе пришлось залезть в свою собственную задницу, чтобы разыграть *эту* карту? – Мне почти хочется смеяться над абсурдностью своих слов. Как... предсказуемо. – Хотя чему тут удивляться? *Конечно*, ты не побрезговал бы использовать свою власть и баснословные деньги, чтобы поиздеваться над скромной официанткой, которая просто пыталась защитить женщин, которыми ты незаслуженно манипулируешь, чтобы затащить в постель. Так типично и предсказуемо. – Я постукиваю пальцем по подбородку. – Хм, кажется, я теперь *знаю*, кто ты. Коварный, эгоистичный, просто первоклассный кусок *дерьма*. И блестяще оправдываешь *омерзительную* репутацию своей семьи.

Дэниела, похоже, мои слова ничуть не смутили. Но он казался довольно-таки удивленным.

Менеджер подходит ко мне и опускает руку мне на плечо.

– Алекс, хватит.

– Да, прислушайся к своему менеджеру, маленькая дрянь. – Дэниел лениво дергает головой в его сторону, и бездушный смешок вибрирует в его груди. – И сделай всем одолжение, держи свой маленький ротик на замке. Ты выглядишь гораздо лучше, когда молчишь.

Его слова разжигают в моих венах огонь, и я так взбешена, что все мое тело буквально дрожит от гнева.

– Знаешь, мне нравится мой рот таким, какой он есть, спасибо большое за совет. – Я натянуто улыбаюсь ему. – А вот что мне не нравится, так это богатенькие, властолюбивые мужчины, которые думают, что им все сойдет с рук. *Никакие* деньги мира не скроют эту отравляющую, мерзкую грязь внутри тебя. Поэтому вот тебе маленький кусочек возмездия.

И я делаю то, чего никогда бы не вообразила и через миллион лет.

Я хватаю бутылку шампанского и выливаю содержимое на Дэниела.

Весь ресторан взрывается вздохами и ахами от ужаса и шока.

Я выливаю все до последней капли на его голову, а когда бутылка опустошается, значимость совершенного мною поступка становится осязаемой, погружаясь глубоко в мой желудок.

Дыхание вырывается из меня короткими рывками. Глаза Дэниела едва ли не плаваются, пылают раскаленной яростью. Мой взгляд перескакивает с Дэниела на менеджера, который смотрит на меня с полнейшим разочарованием.

Мои руки безвольно падают по бокам.

– Надо полагать, я уволена, верно?

Менеджер с разочарованием кивает, что только подтверждает мои слова. Сгорая от стыда, я развязываю фартук и вручаю ему. Медленно удаляюсь прочь, но, прежде чем покинуть ресторан, киваю напоследок Марианне, признавая свое поражение. Выходя через стеклянные двери ресторана, я в окна замечаю пристально наблюдающего за мной Дэниела. Он заглядывает мне прямо в глаза, а его челюсть сжата так крепко, что кажется, он ее сейчас вывихнет.

Именно тогда я понимаю, что наша с ним история не закончилась. Нисколько.

«Это лишь вопрос времени».

Глава четвертая

Настоящее время

– *Что ты сделала?*

Шок наводняет глаза Кары, пока я тащу ее с вечеринки Дэниела и усаживаю в такси.

– Я запаниковала, ладно? Не знала, что еще делать.

Я прижимаюсь лбом к окну, на секунду прикрывая глаза, чтобы осознать произошедшее. Обычно я не выливаю выпивку на мужчин, но почему-то мужчиной *каждый раз* оказывается именно Дэниел Кэррингтон.

Он пробуждает во мне самое худшее. А мы ведь даже не знакомы.

– Эм, может, *не* выплескивать ему в лицо напиток в этот раз? Знаешь, это стало бы неплохим началом, – услужливо предлагает Кара.

После увольнения из «Бэйзил Китчен» я направилась напрямик к Каре, чтобы рассказать ей все, что произошло. Хотя она была действительно впечатлена тем, что мне удалось проверить эти трюки, чтобы спасти девочек, она также прекрасно понимала, что Дэниел при желании может предъявить мне обвинения из-за инцидента с шампанским. Я знала, на что способна его семья, и, увидев собственными глазами немалый размер его эго, ни за что не собиралась спускать ему такое с рук. Помню, с какой нервозностью дожидалась появления копов на пороге своего дома или какой-нибудь судебный иск. Мои ногти стали короткими и обломанными из-за того, что я постоянно их грызла в ожидании худшего.

Но, к счастью для себя, с тех самых пор я ничего не слышала о Дэниеле. Возможно, он посчитал, что я недостойна его потраченного времени. В конце концов, я была всего лишь малозначительным, мимолетным воспоминанием в грандиозном и роскошном образе жизни.

– Ничего не могу с собой поделать, Кара. Стоит мне посмотреть на его глупое, самодовольное лицо, как тут же начинаю думать о том, как навсегда стереть его в порошок.

Кровь закипает, растекаясь по венам словно раскаленная лава, от одной только мысли о Дэниеле. Ему очень повезло, что я не вулкан. Я поворачиваюсь к своей лучшей подруге, сдвинув брови на переносице.

– Более того, какого черта ты не *сказала* мне, что это вечеринка Дэниела Кэррингтона?

– Да потому что я не *знала*, – отвечает она. – Я только взяла приглашение от девушки, которая знала какого-то чувака, который знаком с ним лично. Откуда мне было знать, что Кэррингтон и есть тот парень с Ибицы?

Пожалуй, могла бы и сама догадаться. Если подумать, то я смутно припоминаю, как отец рассказывал, что Гарри отправил своего сына в Европу, где он должен был завести некоторые политические и деловые связи для расширения «Кэррингтон Энтерпрайзес». Видимо, Гарри не подозревал, что его сын способен думать только своим членом, который, как правило, все портит. И мне даже вообразить сложно, какое количество журналистов он навлек на себя после всего того, что учудил Дэниел, будучи в отъезде.

Мои родители, вероятно, уже разузнали последние новости и о его переводе в Бостонский университет, и, без сомнения, я услышу об этом завтра во время нашей еженедельной встречи.

– Сама не верю, я проделала это с ним. *Снова*.

Бьюсь лбом об окно в очередном приступе стыда. Таксист бросает на меня осторожный взгляд через зеркало заднего вида, а я притворяюсь, что не заметила.

– Знаешь, тебя могут обвинить в нападении, – нахмурившись, сообщает Кара.

– Да знаю я, – бормочу. Мне кажется, что если бы Дэниел хотел выдвинуть обвинения, то сделал бы это сразу после того, как я унизила его в «Бэйзил Китчен» несколько лет назад. Так что это хороший знак. Но теперь он может передумать. – Будем надеяться, что он этого не сделает, – добавляю я.

– Seriously, Алекс. О чем, черт возьми, ты думала? – резко спрашивает Кара.

– Не знаю. – Слова застревают в горле. – Наверное... он просто снова разозлил меня. Вещи, которые он наговорил мне... я хотела сделать ему так же больно, как он сделал мне.

Признаваться в этом казалось ребячеством, но это правда. Никогда раньше я не хотела кого-то ранить. Всегда сохраняла хладнокровие. Мне потребовалось немало силы воли, когда Холли Хиггинс из восьмого класса высмеивала меня из-за нулевого размера груди. Когда она беспрестанно дразнила меня, особенно в присутствии парней, мне каждый раз хотелось наброситься на нее. Но я сдерживала себя. С тех пор мне хотелось сорваться на многих других людях по самым разным причинам, но я всегда гордилась своей сдержанностью, когда дело касалось нестабильных и переменчивых эмоций.

Но стоило Дэниелу Кэррингтону войти в мою жизнь, как все это улетучилось.

Такси подъезжает к нашему многоквартирному дому. Кара помогает мне выбраться и подхватывает меня под руку, когда мы заходим в лифт. Единственное, что я хочу сделать, – это смыть с себя сегодняшние события.

– Не знаю, смогу ли когда-нибудь оправиться от этого, – издаю стон я, как только мы попадаем в нашу квартиру.

Гостиная по-прежнему забита коробками, потому что мы так и не распаковали вещи перед началом вечеринки. Не обратив никакого внимания на царивший беспорядок из упаковочной ленты, пузырчатой пленки и изорванной бумаги, которые разбросаны по всему полу, я падаю на диван и зарываюсь лицом в подушку.

– Эй. – Голос Кары становится мягче, в нем ощущается сочувствие, когда она присаживается на край дивана и слабо улыбается мне. – Есть и хорошая новость. Ты второкурсница. Он старшекурсник. Думаю, вы вряд ли пересечетесь еще раз.

Кара, наверное, права. Сегодняшний день, вероятно, стал обычной случайностью, и я надеюсь не видеть Дэниела до конца моих дней в БУ.

Я снова вспоминаю, что сделала после того, как выплеснула выпивку ему в лицо, и чувствую себя униженной.

После я взяла и убежала. Буквально, натворила дел и *смылась*.

М-да, происходящее действительно творит чудеса с моей самооценкой.

* * *

На следующий день кампус Бостонского университета кишит первокурсниками, пытающимися вовремя попасть на свои лекции. Из-за толпы студентов, набившихся в узкие коридоры, как селедки в банке, я не в силах сдержать растущее во мне беспокойство от того, что могу снова столкнуться с Дэниелом Кэррингтоном.

К счастью, он так и не попался мне на глаза, потому что сегодня я могу спать спокойно.

Я должна была во время ланча встретиться с Карой, но подруга написала, что задержится в библиотеке из-за группового проекта, так что я решаю купить тыквенно-кокосовые лепешки в одном из ресторанов на территории кампуса и уютно расположиться в парке по соседству. Это прекрасный, уединенный оазис, находящийся вдали от всей городской суеты, – идеальное место, чтобы насладиться едой в одиночестве.

Листья над моей головой уже начали желтеть, и я чувствую, как подкрадывается слабый холодок, сражаясь с теплом, оставшимся после лета. Еще недостаточно холодно, чтобы закутываться в теплые одежды, поэтому я пока довольствуюсь кардиганом.

В этот момент я слышу сигнал будильника, оповещающий меня о запланированном разговоре с родителями.

Я понимаю, что заранее назначать звонки маме и папе несколько странно, но это издержки их напряженной профессии. У родителей вся жизнь буквально расписана по мину-

там. Я свыклась с тем фактом, что «Вудс энд Ко» – их любимое детище, и большая часть усилий направлена на его взращивание, пока из него не вырастет могущественный титан строительной отрасли. Все детство меня передавали от няни к няне, потому что родители проводили в офисе бесконечно долгие часы. И я отчетливо помню то чувство одиночества, которое жило во мне годами и от которого я никак не могла избавиться. Теперь же я научилась жить с этим – или, по крайней мере, стараюсь жить.

Я набираю номер отца и долго вслушиваюсь в монотонные гудки. В последний момент он отвечает.

– Джон Вудс. – В моих ушах раздается ровный, деловой тон папы.

– Привет, это я. – Я прочищаю горло. – Алекс.

– О, привет. – Кажется, отец удивился, услышав мой голос. – Уже понедельник? Куда только время бежит. – Он разочарованно вздыхает. – Мне так жаль, милая. Мы действительно застряли здесь.

До меня доносятся приглушенные голоса одного из сотрудников и человека, смутно похожего на мою маму, которые спорят между собой на повышенных тонах, нервно вышагивая по комнате.

Укол беспокойства пронзает мое тело.

– Что происходит? У вас там все в порядке?

– Да, тебе не о чем переживать, – подчеркнуто вежливо отвечает отец. – Но если найдется свободное время, мы с мамой хотели бы увидеть тебя на этих выходных.

Они никогда раньше так не говорили. Обычно я сама решала, когда возвращаться домой.

– Ла-а-адно... – Я делаю паузу. – Мне точно не о чем переживать?

Мой папа замолкает на другом конце линии.

– Мы все объясним, когда ты приедешь.

– Где мама? Могу я поговорить с ней?

– Она в данный момент... занята.

– Пап, ты заставляешь меня нервничать. – Я крепче сжимаю в своих руках телефон. – Я сейчас же соберу вещи и отправлюсь домой.

– Нет, Алекс, – резко говорит он. – Как я уже сказал, тебе не следует беспокоиться. Это твоя первая неделя в колледже. Ты должна сосредоточиться на учебе. Как справляешься?

– Ну, вполне неплохо, – отвечаю я, отрывая кусочек лепешки и закидывая его в рот. Я решаю не упоминать о том, что уже ощущаю себя перегруженной из-за количества лекций и занятий. Курсовая работа в этом семестре – огромный шаг вперед по сравнению с предыдущими, что подрывает мою уверенность в успешной сдаче остальных предметов. Но вместо обсуждения учебы я решаю переключить внимание отца на кое-что другое. – Ты знал, что Дэниел Кэррингтон перевелся в БУ?

– Сын Гарри? – спрашивает он. – Кажется, я где-то об этом слышал. А что? Он доставляет тебе проблемы?

Я решаю не рассказывать о вчерашнем происшествии хотя бы потому, что они с мамой явно погрузились в хаос, который царит сейчас по ту сторону телефонного звонка.

– Эм, нет. По крайней мере, пока нет. – Я сглатываю. – Поверить не могу, что его вернули домой после того, как он переспал с женой того политика. Вот же меркантильный придурок.

Я слышу, как отец усмехается.

– Считаешь, что будешь с ним периодически сталкиваться, да?

– Боже, надеюсь, что нет. Я скорее выдеру все ногти на ногах, чем заговорю с этим человеком.

– Эй, никогда не знаешь, что случится. Возможно, он порядочный парень.

Мой отец решил побаловаться наркотиками?

– Что ты такое говоришь? Мы годами поливали грязью его и всю их семейку. Никакой он не порядочный парень, конечно же.

– Послушай, Александрия, – начинает папа, и я понимаю, что он серьезен. – Я к тому, что, может быть, тебе не нужно вешать на него ярлык так скоро. Как знать, вдруг он будет полезен больше, чем ты думаешь.

Кто-то требует от отца положить трубку, и я слышу срывающийся от тревоги мамин голос, пока она бормочет, практически не останавливаясь, где-то на фоне: «Боже мой, боже мой, боже мой». Мое лицо искажается от замешательства, когда быстрый топот и крики становятся все отчетливее. Папа громко откашливается, чтобы заглушить шум.

– Слушай, мне нужно идти. На пять у нас назначена важная встреча. Увидимся на выходных и тогда я тебе все объясню, договорились?

– Договорились. – Я хмурюсь. – Пока, пап. Люблю тебя.

Он просто вешает трубку.

И я озадаченно смотрю на свой телефон.

Какого. Черта. Сейчас. Произошло?

Глава пятая

Я решаю отложить это до выходных, чтобы допросить отца о том, что происходило во время нашего телефонного разговора.

Мне прекрасно известно, что, если продолжить давить на него, вытягивая необходимые мне ответы, он никогда не сдастся и наградит меня вместо этого очередной вариацией высказывания: «Всеу свое время, Александрия». Как только мой отец принимает решение, будь то деловое или личное, он никогда не отступает.

Раньше я восхищалась этой его чертой, потому что он выстроил компанию в кратчайшие сроки благодаря своей напористости и целеустремленности. Каждое принятое им стратегическое решение является частью его Большого плана с большой буквы «Б», который подразумевает достижение успеха как на деловом поприще, так и в семейной жизни.

Моя работа заключалась лишь в одном: доверять ему и верить, что у него все находится под контролем. Я так и делаю... наверное.

Не желая заикливаться на этом и дальше, я собираю вещи и провожу остаток дня на занятиях, после чего возвращаюсь в нашу с Карой квартиру. Она разогревает в микроволновке две порции еды для нас, и пока мы обсуждаем планы после ужина, она протягивает еще одну пару пригласительных.

– Вот уж нет. – Я решительно качаю головой, отталкивая флаеры. – Никаких больше вечеринок.

– Ну почему? – хнычет она. – Ладно, я признаю, что последняя выдалась ужасно...

– Именно по этой причине я и не пойду никуда, – фыркаю я. – Думаю, что лучше ненадолго затаиться. Последнее, что мне сейчас требуется, – это очередная встреча с Дэниелом. Сомневаюсь, что он позволит мне сбежать, как в прошлый раз.

– Окей. – Она выглядит разочарованной. – Может, мы просто устроим вечер кино?

– Супер. Пойду приготовлю попкорн. – Я хватаю свою тарелку и целую ее в щеку, прежде чем отправиться на кухню.

Позже я позволяю Каре выбрать фильм «Из 13 в 30», нашу тайную слабость, и мы в сотый раз восхищаемся милыми костюмчиками Дженнифер Гарнер.

Хотя я пытаюсь не уходить в себя и наслаждаться фильмом, часто ловлю себя на мысли, а действительно ли мне *стоит* беспокоиться о том, что происходит с моими родителями прямо сейчас. Они не любят делиться со мной плохими вестями без крайней необходимости, и даже если я понимаю, что таким образом они поступают, руководствуясь моими интересами, сейчас это раздражает. Но, к сожалению, к этому мне тоже необходимо привыкнуть.

Я люблю своего отца и доверяю ему свою жизнь, но интуиция подсказывает, что что-то не так, и мне не по душе дожидаться субботы, чтобы разузнать все подробности.

Но, как ни странно, я действительно узнаю обо всем раньше, чем планировалось.

Три дня спустя я просыпаюсь, обнаружив на телефоне двадцать семь сообщений, четырнадцать пропущенных вызовов и одиннадцать голосовых.

Сперва я подумала, что они от Кары. Она, как правило, разрывает мой телефон, если хочет похвастаться своим последним завоеванием, с которым встречается. Но потом меня осеняет, что мы теперь живем вместе, и вероятность того, что она с визгами ворвется в мою комнату, в разы больше. Но разблокировав телефон и пролистав уведомления, я понимаю, что они не от нее.

Они от моих родителей.

Если они потратили свое драгоценное время, пытаясь связаться со мной, значит, вероятно, ад разверзся.

Я вскакиваю с кровати и направляюсь в ванную, чтобы принять самый быстрый в своей жизни душ. Натянув майку и шорты, спускаюсь вниз, чтобы поймать такси. Как только я оказываюсь в машине, тут же достаю телефон и нажимаю «Воспроизвести», чтобы прослушать голосовые сообщения от родителей.

«Нам нужно кое-что тебе сказать, Александрия. Это срочно».

Бип.

«Быстро приезжай в офис. Пожалуйста, поторопись».

Бип.

«С «Вудс энд Ко» случилось несколько важных событий. Пожалуйста, появись здесь как можно скорее».

Бип.

В моем животе все клокочет от паники и нервов, а в голове по-прежнему звучат взволнованные голоса родителей. Что такого произошло, что они решили срочно вызвать меня?

– Пожалуйста, прибавьте скорость, – с отчаянием прошу водителя.

Мои мысли мчатся, перебирая все возможные развития события. Мой отец вынужден уйти с поста генерального директора, провал одного из крупнейших строительных проектов, какое-то поглощение или слияние с другой компанией? О боже, надеюсь, это не финансовые проблемы.

Я отгоняю мысли, которые только усиливают мою тревожность, когда добираюсь до штаб-квартиры. Я выпрыгиваю из такси и мчусь ко входу в здание, направляясь сразу же к консьержу. Бизнесмены в бешенстве снуют по зданию, пытаюсь разобраться в какой-то проблеме вселенских масштабов, о которой, похоже, не известно только мне.

– Привет, – задыхаясь, приветствую женщину за стойкой. Она со злостью в голосе разговаривает с кем-то по телефону, активно жестикулируя руками.

– Я тоже так думала, но они уже объявили об этом, – сообщает женщина, полностью игнорируя меня. Она откидывает свои волосы в сторону и продолжает говорить с человеком на другом конце линии: – Они не говорят о том, что Гарри им предложил, а только о том, что сделка уже свершена.

Гарри? В смысле Гарри Кэррингтон?

– Извините! – Я прочищаю горло, на этот раз немного громче. Женщина лениво наклоняется ко мне, но по-прежнему цепляется за телефон. Она возобновляет разговор, на этот раз шепотом. – О, да ради бога, – рычу. Я протягиваю через стол руку и выхватываю телефон из рук. – Отлично. Теперь я привлекла ваше внимание.

Она смотрит на меня.

– Я могу вам помочь?

– Да, пожалуйста. – Я стискиваю зубы. – Я здесь, чтобы увидеть своих родителей. Джона и Маргарет Вудс.

Она пару раз моргает.

– Вы их дочь?

– Единственная и неповторимая.

Консьержка тяжело вздыхает и жестом просит вернуть телефон. Я колеблюсь, думая о том, что она собирается продолжить разносить сплетни, но женщина бросает на меня раздосадованный взгляд.

– Мне нужен телефон, чтобы позвонить твоим родителям.

– О, точно.

Я возвращаю телефон, пока мои щеки заливают румянец.

Она что-то бормочет в трубку, а затем наклоняется и открывает один из ящиков, прежде чем передает мне ключ-карту.

– Сороковой этаж. Второй зал заседаний слева. Тебя ожидают.

Я выхватываю карточку из ее рук и спешу к ожидающему меня лифту. Когда двери закрываются, я чувствую, как бешено колотится сердце, грозясь разорвать грудную клетку.

Какое отношение «Вудс энд Ко» имеет к Гарри Кэррингтону?

Нет. *Ни за что*. Мой отец поклялся никогда не иметь с ним каких бы то ни было дел.

Боже, надеюсь, мои худшие опасения не подтвердятся.

Когда я достигаю сорокового этажа, двери лифта распахиваются. В отличие от вестибюля, на этом этаже безлюдно, а все офисные кабинки пустуют. Я двигаюсь по коридору и наконец-то замечаю маму.

Она в полном раздрае.

Сальные волосы густыми прядями спадают на лицо. Прекрасные карие глаза выглядят уставшими, а под ними залегли темные круги. Когда она поворачивается ко мне, я замечаю залитое слезами лицо.

– О, Алекс, – выдыхает она, и я тут же падаю в материнские объятия. Меня даже не волнует, что мы не разговаривали друг с другом целую неделю. Мы обнимаемся, кажется, целую вечность, и ее тепло окутывает меня, изгоняя тревогу.

Отстранившись, я наконец-таки интересуюсь, что произошло.

– Алекс. – Она за талию притягивает меня ближе к себе и целует в лоб: подобная нежность ей вообще не свойственна. – Мы действительно не собирались тебе этого говорить, но «Вудс энд Ко» обанкротилась.

– *Что?*

Это просто не может быть правдой. В «Вудс энд Ко» работает более сотни сотрудников и реализуется не менее десяти крупнейших коммерческих проектов в год. Только за прошлый год мы заработали около 100 миллионов долларов чистой прибыли. Как компания может стать банкротом?

Мама качает головой и просит следовать за ней. Мы двигаемся по коридору, пока не добираемся до зала заседаний. Я заглядываю в окно на двери, и сердце выпрыгивает из груди.

Мама сжимает мои плечи и ободряюще улыбается.

– Что бы они ни сказали тебе, *пожалуйста*, постарайся быть непредвзятой, Алекс.

«*Но... Алекс все еще в шоке*».

– Что, черт возьми, происходит? – шепчу я. – Ты пугаешь меня.

– Скоро ты все узнаешь. – Она целует меня в щеку и отправляет в конференц-зал.

Первым я замечаю своего отца. Он выглядит намного бледнее, чем обычно, а его хилое и хрупкое тело теперь представляет собой пустую оболочку того, чем оно было раньше. Когда подхожу ближе, замечаю осунувшееся лицо и испещренный глубокими морщинами лоб. Его тело напряжено, а нервы потрескивают, когда он тянется вперед, чтобы коснуться моего плеча.

– Александрия.

– Папа, что ты наделал? – бормочу ему, и все его тело замирает.

Возникшее между нами неловкое молчание – единственный ответ. Мой желудок скручивается в огромный узел, когда я замечаю двух других людей в комнате.

– Полагаю, это не то воссоединение отца и дочери, которого ты хотела, – раздается сухой голос.

Я переключаю свое внимание на мужчину лет пятидесяти, облаченного в дорогой костюм. Гарри выглядит в точности, как я его запомнила: темные выющиеся волосы, волевой подбородок и глубоко посаженные темные глаза, критическим взором оценивающие присутствующих.

А рядом с ним расположился не кто иной, как человек, на которого пять дней назад я вылила мартини.

Дэниел Кэррингтон.

Мое сердце бешено бьется в груди.

Почему Вселенная продолжает сталкивать меня с этим ребенком-переростком в одной комнате, я никогда не узнаю.

Я чувствую болезненный толчок в груди, готовясь к тому, что очередная сделка, которую мой отец заключил с Гарри Кэррингтоном, без сомнений имеет какое-то отношение ко мне и Дэниелу.

– Я бы сказал, что рад тебя видеть, Алекс, но моя пропитанная мартини рубашка, отправленная в химчистку, говорит об обратном. – Дэниел недовольно хмурится.

«Господи, какой претенциозный засранец. И не просто засранец. А с преувеличенно картавой «р» и ударением на последнем слоге, подражающими фальшивому французскому акценту».

– Отрадно видеть, что вы знакомы друг с другом. – Гарри склоняет голову в мою сторону. – Александрия, присядь.

Я поворачиваюсь в его сторону и демонстративно обращаюсь к нему:

– Я лучше постою.

– Сядь, – огрызается он резким, как бритва, тоном.

Я сажусь.

– Итак, – продолжает он, выглядя более довольным. – На чем мы там остановились? Ах да. – Он делает несколько шагов вдоль огромного стола, расположенного в центре зала, и пальцем проводит по поверхности из красного дерева. – Пожалуй, я перейду к делу, поскольку ты знаешь, кто я такой и какой компанией управляю. Насколько тебе известно, компания твоего отца в настоящее время испытывает большие финансовые трудности. «Вудс энд Ко» погрязла в долгах, и инвесторы крайне недовольны. Думаю, мне не нужно вдаваться в подробности, как это случилось, потому что родители объяснят тебе все это позже, так что перейду сразу к тому, что интересует лично меня.

Я перевожу взгляд на отца, замечая, что его глаза прикованы к столу от смущения.

– Я предложил твоим родителям крупный строительный проект, чтобы поддерживать их бизнес на плаву в течение следующих двух лет. Это грандиозное предложение обойдется в пару сотен миллионов, и я верю, что «Вудс энд Ко» сможет извлечь огромную выгоду из данного проекта. Вы сможете расплатиться со своими кредиторами и даже вернуть часть упущенного дохода.

– И в чем подвох? – интересуюсь я, складывая руки на груди.

– Прямо к сути? Мне нравится. – Гарри наклоняет голову ко мне. – Уверен, ты знаешь, что мы с твоим отцом не в лучших отношениях. Ты даже могла видеть во мне своего врага. А теперь задайся вопросом, почему я пытаюсь помочь вам.

Я поджимаю губы.

– Эм, потому что, как говорится, друзей нужно держать близко, а врагов еще ближе?

– Не совсем. – Гарри облизывает губы, и неприятные ощущения ползут по моему позвоночнику. – Оказывается, у твоего отца есть что мне предложить.

Дэниел ерзает на своем месте и наклоняется вперед, в недоумении вскидывая бровь.

– О чем ты говоришь?

Гарри игнорирует вопрос сына. Вместо этого поворачивается ко мне, и медленная улыбка растягивается на его презрительно расчетливом лице.

– Я предлагаю свою помощь «Вудс энд Ко», Александрия. Но при одном условии: ты обручишься с моим сыном, Дэниелом.

Глава шестая

Сначала никто не проронил ни слова. Тишина окутывает каждого присутствующего в комнате, и ничто не смеет вырваться из моих уст.

Я абсолютно выбита из колеи.

Затем Дэниел разражается смехом. Замедленным, мучительным, ироничным смехом, пререзающим напряжение, накопившееся в этой комнате.

Когда он понимает, что никто вместе с ним не смеется, то резко останавливается. Взгляд Дэниела направлен на отца, который смотрит в ответ так, будто его раздражает, что сын – единственный человек в комнате, кто не понял сути дела.

– Нет. – Осознание серьезности слов Гарри поражает его, подобно пуле. – *Нет*. Это, должно быть, шутка. – Он указывает на меня, а его лицо искажается от ужаса. – Хочешь, чтобы я обручился? На этой девушке? Ты *свихнулся*? – Дэниел вскакивает с места. – Слушай, если это из-за Ибицы...

– *Конечно*, это из-за Ибицы, болван. – Гарри так сильно сжимает руки в кулаки, что костяшки его пальцев белеют. – Думаешь, это легко? Подчищать за тобой бардак, который ты устроил в Испании? Ты унаследовал многомиллионную компанию, Дэниел, чтобы испоганить *нашу* репутацию глупой интрижкой.

– Послушай, я... – начинает Дэниел, но Гарри снова перебивает его.

– Нет, это *ты* послушай, Дэниел. У тебя нет *выбора*. Тебе придется взять себя в руки и вести себя прилично с журналистами, чтобы скандал забылся, – рывкает на сына Гарри. – Акции компании в течение нескольких недель в минусе, и я не хочу давать инвесторам малейший повод усомниться в нас. Слишком многое поставлено на карту. И я не вижу иного решения для устранения того дерьмового шоу, к которому *ты* приложил руку, кроме как подправить твой имидж плейбоя, женив на этой девушке.

– Я *не могу* жениться на ней. Она и так уже превратила мою жизнь в ад, а я ее почти не знаю. – Дэниел бросает на меня неприязненный взгляд. – Да она *ребенок*. Чертова помеха.

– *Извини?* – выпаливаю я. Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. – Ребенок? Мне *двадцать*!

В ответ на это он хмурится.

– Ты выплеснула на меня шампанское. И мой мартини.

– Потому что ты заслужил! Нечего вести себя как полный *придурак*.

– Ох, *брось*. Просто признай, что твой поступок в прошлом году был совершенно не уместен. Ты даже не *знаешь* меня, – свирепо заявляет Дэниел.

Я вскакиваю с места, подпитываемая гневом.

– Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы понимать, что каждая женщина, с которой ты встречался, считает тебя отвратительным мудаком!

– Хватит. – Гарри ударяет ладонью по столу, и мы с Дэниелом вздрагиваем. – Меня не волнует, что там за история случилась между вами в прошлом. Единственное, чего я хочу, – это чтобы вы отбросили все в сторону и постарались придать этой помолвке правдоподобности.

– Значит, это конец? Все уже решено? – спрашиваю недоверчиво. Я переключаю свое внимание на отца, который практически не разговаривал со мной с тех пор, как я заявила на собрание. Я смотрю на него совершенно беспомощным взглядом. – У меня вообще есть право голоса? Могу я сама решать, каким будет мое *будущее*?

В уголках губ отца пролегли морщинки.

– У нас не было выбора, Алекс.

Он действительно намерен довести дело до конца. И даже не спросил меня, согласна ли я.

– У вас не было выбора? А что насчет *меня*? – Его реакция почти смехотворна. – Кто я для тебя, отец? Я даже не чувствую себя твоей *дочерью*. Я просто очередной строительный объект, да? Который можно обменять и перепродать в удобное для тебя время? Ты даже не звонишь, чтобы поинтересоваться моей жизнью, а сегодня ты наконец-то соизволил позвонить мне только ради того, чтобы повернуть это *дерьмо*. – Мой голос срывается от отчаяния, и я тычу в отца пальцем. – Больше всего меня ранит то, что ты даже не *спросил* меня, даже не посоветовался. Ты просто взял и *лишил* меня выбора.

– Александрия, – хрипит отец, безвольно опуская руки по бокам. – Мне жаль.

Я усмехаюсь от его слов. Извинения *ничего* для меня не значат.

Сейчас я уже не в том состоянии, чтобы злиться. На самом деле, даже не чувствую злости.

Я чувствую только то, что меня *предали*.

Поверить не могу, что родители поступили так со мной. Не считаясь с *моим* выбором ни в одной из частей сделки.

– И это все, что ты можешь сказать? – Слезы застывают в глазах. – Не могу в это поверить.

Меня продают как какую-то *рабыню*. Всей семейке Кэррингтон.

Я глубоко вздыхаю и падаю на кресло, пытаюсь разобраться во всем.

В голове крутятся всевозможные причины, по которым родители заставляют меня участвовать в заговоре Гарри и его сына. «Вудс энд Ко», видимо, находится в безвыходном положении, раз мой отец вынужден вновь иметь дело с Гарри. В глубине души я понимаю, что он ни за что бы не согласился на это, будь у него иной выход.

Но мне всегда казалось, что в чем-то должен был быть предел. Всегда казалось, что я и есть этот предел.

Видимо, я totally ошибалась.

Я не знаю, что делать дальше. С одной стороны, родители лишили меня свободы воли и предали мое доверие. Но с другой стороны, бизнесу родителей и сотрудникам компании придется столкнуться с ужасными последствиями, если я не соглашусь на помолвку. Столько рабочих мест будет потеряно, и все из-за меня. Я не хочу, чтобы это лежало на моей совести. Вероятно, именно на это и рассчитывал мой отец, – чтобы вся вина легла на мои плечи, а не на его. Если в этом и состоял его план с самого начала...

Он сработал.

Глубоко вздохнув, я тихо пробормотала Гарри:

– Каковы условия помолвки?

Дэниел смотрит на меня, озадаченный моей уступкой.

– Ты ведь не серьезно. Ты не можешь рассматривать это нелепое предложение.

Я игнорирую его. Гарри поворачивается ко мне с довольной улыбкой на лице.

– Помолвка продлится три года. Этого времени будет достаточно, чтобы обелить репутацию бабника и представить Дэниела как идеального кандидата и достойного наследника «Кэррингтон Энтерпрайзес» после окончания колледжа. И это позволит мне вернуть доверие моих спонсоров.

Я прикрываю глаза и вздыхаю с облегчением при мысли о том, что сделка завершится без заключения брака. Но обратная сторона вопроса заключается в том, что мне придется разыгрывать этот спектакль целых три года. Я окончу *колледж* в статусе помолвленной девушки.

Я перевожу взгляд на Дэниела. Ему, похоже, ничего так сильно не хочется, как испариться сию же секунду.

– Почему я? – шепчу я. – Вы можете найти любую девушку для него. Поверьте, во мне нет ничего особенного. Зайдите на «Крейглист» и найдите ему невесту хоть сейчас.

Гарри сжимает губы в тонкую линию.

– Скажем так, Алекс, другие кандидаты доказали... свою непригодность.

Я сглатываю.

Ему явно нужна та, кого он сможет контролировать. Он не сможет управлять женщиной, на которую у него нет никаких рычагов давления. Что делает меня идеальным кандидатом.

Если я выйду за рамки, сделка развалится. И я уверена, что Гарри с легкостью избавится от «Вудс энд Ко» и отыщет другого подрядчика для завершения проекта. А это значит, что компания родителей потеряет свой единственный источник дохода, и у них не останется иного выбора, кроме как объявить о банкротстве.

На лице Гарри безучастная маска, пока он вытаскивает из портфеля целую пачку бумаг. Соглашение о неразглашении. Он бросает документы на стол и пододвигает ко мне, протягивая ручку.

– Это отличная возможность помочь своим родителям и избавить их от финансовых проблем на долгие годы, Александрия.

Я сглатываю. Никак не могу осознать, почему это соглашение полностью зависит от меня.

От *моего* выбора.

Или отсутствия такового, ведь мой отец уже настоял на том, чтобы я заняла в этом шоу первый ряд.

Господи, я даже *смотреть* на него не могу, не чувствуя боли, пронзающей мое сердце.

Вместо этого мое внимание концентрируется на соглашении, что лежит передо мной. Если я соглашусь на эту фальшивую помолвку, то подарю им три года своей жизни. Стоит ли игра свеч?

Я окидываю взглядом окружающую меня обстановку. Все это – здание, в котором я нахожусь, – десятилетия самоотверженной и тяжелой работы моих родителей. Работа всей их жизни, их *наследие* заложено в фундамент стен. Еще будучи совсем маленькой, я поклялась сделать все возможное, чтобы мои родители гордились мной, и надеялась однажды унаследовать их детище.

Эта сделка – то, что все ожидают от меня, как от их преемника. Я должна быть в состоянии согласиться без каких-либо колебаний.

Но согласие на эту затею подразумевает, что мне придется принять и тот факт, что мои родители действовали за моей спиной и устроили подобное, предполагая, что я просто смирюсь с их решением.

Если не подпишу, не будет никакой финансовой помощи для «Вудс энд Ко», той самой компании, которой я поклялась посвятить свою жизнь. Родители будут вынуждены объявить о банкротстве и закрыться. Дело всей их жизни... все полетит к чертям. Моя кровь закипает при мысли о том, что именно они втянули меня в эту передрыгу, но в то же время я не позволю, чтобы двадцать лет их тяжелой работы пропали даром.

Мой взгляд скользит по протянутой мне ручке.

Должна ли я подписать?

Да.

Нет.

Да.

Нет.

Да.

Нет.

В моем горле застревает ком горечи, когда ответ становится слишком очевидным.

Да.

Со слезами на глазах я задаю последний вопрос:

– Где расписаться?

* * *

Мы с родителями сидим за обеденным столом, и неловкое молчание окутывает нас.

Яковыряюсь в своей тарелке, чувствуя тошноту только от одной мысли о еде. Это кажется слишком обыденным, учитывая тот извращенный нервный кошмар, в котором мы оказались сегодня днем. Отец тоже не ест: он просто бездумно накручивает спагетти на вилку, а затем отпускает их. Мама сидит рядом с ним, молча поглощая пищу, ни разу не оторвав взгляд от своей тарелки.

Напряжение в комнате зашкаливает. Оно выплескивается в воздух, потрескивая от напряжения и злости.

Я не выдерживаю. Не могу просто сидеть здесь и притворяться, что это не они только что поставили меня в безвыходную ситуацию ради собственной выгоды. Я пожертвовала тремя годами своей жизни, согласившись на помолвку с парнем, которого искренне презираю, а они даже не удосужились поблагодарить меня. Как будто согласие на эту помолвку подразумевалось по умолчанию.

Медленно выдохнув, я отталкиваю тарелку и бросаю на нее салфетку.

– Я иду спать. Спокойной ночи.

Губы моего отца дергаются.

– Алекс, подожди. Пожалуйста, сядь.

– Я не голодна. И смертельно устала.

– Александрия.

Раздражение берет верх надо мной.

– Чего ты хочешь от меня?

Отец выпускает покорный вздох.

– Пожалуйста, Алекс. Нам нужно поговорить.

– Мне кажется, время для разговоров давно прошло, папа. – Я, фыркнув, скреещаю руки на груди.

Моя мама в конце концов решает присоединиться к нашему восхитительному разговору. Она упирается локтями в стол, сцепив пальцы между собой и пряча за ними рот.

– Алекс, пожалуйста. Не веди себя так.

«Что, простите?»

– Не вести себя как, мама? – шиплю я. – Как обычный человек с эмоциями? Короче, я сделала то, о чем вы просили. Спасла вашу компанию, и теперь мне придется пожертвовать тремя годами своей жизни. Поэтому, вместо того чтобы читать нотации о моем поведении, вам, вероятно, следует поблагодарить меня за то, что я спасла *ваши* задницы.

Я встречаюсь взглядом с ошеломленными лицами родителей. Они явно не ожидали, что я начну выражать свое мнение: ни разу за свою жизнь я не выразила им своего недовольства, потому что не хотела доставлять лишнего неудобства. Но в этот раз все иначе. Они вынудили меня согласиться на эти тяжкие условия, а хуже всего то, что родители даже не кажутся раскаявшимися.

– Я знаю, Александрия, что ты попала в непростую ситуацию, – начинает папа, откладывая вилку. – И, если честно, никто из нас не ожидал, что до этого дойдет.

– Почему ты не сказал? – вылетает вопрос из моих уст. – Почему вы оба не сказали мне, что у компании финансовые проблемы? Когда вообще это случилось?

Отец ненадолго прикрывает глаза, как будто не хочет вспоминать тот долгий путь, который привел их сюда.

– Сначала все шло хорошо. «Вудс энд Ко» заключила крупную сделку по застройке большого участка земли в городе, и от нее зависело очень *много*. Ошибка заключалась в том, что

мы вложили в проект больше ресурсов, строительных материалов и рабочей силы, чем компания могла себе позволить. Мы даже взяли кредит, чтобы осилить такой заказ. – Горькое раскаяние слышится в его голосе. – Но, к сожалению, финансирование сократилось, и правительству пришлось выйти из сделки, вычеркнув нас из уравнения. А теперь инвесторы изо всех сил пытаются вернуть свои деньги, и мы погрязли в огромных долгах.

– Ты должна понимать, что у нас не было другого выбора, Алекс, – мягко вмешивается мама. – Для бизнеса настали трудные времена. Поэтому мы не смогли отказаться от предложения Гарри, когда он пришел к нам.

– Мы все еще можем использовать кредит, полученный от банка, для финансирования нового проекта, который предложил Гарри. Это строительство квартала элитных апартаментов недалеко от судоходного порта, и, по прогнозам, это принесет в сотню раз больше дохода, чем должен был первоначальный проект с правительством, – отчаянно объясняет отец. – «Вудс энд Ко» *нуждается* в финансовом подкреплении, Алекс. Это действительно выгодное предложение, но решение далось нам нелегко. Мы обсуждаем, соглашаться или нет, уже несколько недель.

– Несколько *недель*? – я повторяю слова отца, раздраженная тем, что слышу. – Давайте-ка расставим все по местам: вы знали об этом в течение нескольких недель и просто решили молчать, пока не придет время подписывать соглашение? – Мои губы напряженно сжимаются, когда я пытаюсь сдержать свой гнев из-за их вопиющего пренебрежения в отношении меня в придуманной ими схеме. – Невероятно. Знаете что? Все обретает смысл. Особенно наш разговор в начале недели, когда ты фактически подталкивал меня к тому, чтобы я подружилась с Дэниелом. Ты знал. Все это время ты *знал*, но все-таки соврал мне.

Отец смотрит на меня со стыдом в глазах.

– Мы не хотели нагружать тебя принятием решения, тем более ты только-только начинаешь новый год в колледже. Это были не твои проблемы, Алекс.

– Но теперь это *мои* проблемы, не так ли? – бормочу я.

– Мы не хотели причинить тебе боль, дорогая, – говорит мама, и на ее лице проявляется печаль. Она протягивает руку через стол, пытаясь дотянуться до меня. – Но либо это, либо разориться.

– Нам очень жаль, – бурчит папа.

Слезы жгут мои глаза. Не только потому, что мне их жаль, но и потому, что они ничего так и не поняли.

– Значит, даже невзирая на то, что вы оба «сожалеете» о ситуации, в которую меня загноули, – начинаю я, – вы все равно заставляете меня пройти через это? Обручиться с сыном Гарри?

Родители потеряли дар речи.

– Не могу в это поверить, – произношу я.

Не знаю почему, но я начинаю смеяться.

Поверить не могу, что мне потребовалось столько времени, чтобы понять, что именно ими движет. Эгоистичность их поступков и отсутствие сочувствия к моему нелегкому положению. Не только в случае с этой помолвкой, но и в их отношении ко мне на протяжении всей моей жизни.

И на этот раз я не сдерживаю себя.

– Знаете что? *К черту* ваше «нам жаль». – Я вскакиваю со стула. – «Нам жаль» было бы уместно, когда вы пропускали родительские собрания или были слишком заняты на дорогостоящих ужинах с клиентами вместо того, чтобы посмотреть со мной диснеевские фильмы. И уж точно «нам жаль» *не* уместно в случае, когда вы, по сути, продали меня, чтобы спасти свою драгоценную компанию от долгов. – Я обвиняюще указываю на них пальцем. – Воспользовались подвернувшейся возможностью и моей безусловной любовью. Вы знали, что я сделаю

все что угодно, чтобы угодить вам, чтобы быть идеальной дочерью, а вы требуете от меня все больше и больше. Принимаете меня как должное, а теперь, когда все зависит только от меня, притворяетесь, будто не разрушили мою жизнь, поставив бизнес на первое место. И даже сейчас вы *продолжаете* ставить свое дело выше меня, даже и глазом не моргнув.

Мама отворачивается и убирает руки со стола, тыльной стороной ладони смахивая слезы, покрывающие ее щеки. Отец, открыв рот от удивления, не отрывает от меня взгляд.

Я пытаюсь сморгнуть слезы, готовые вот-вот политься из глаз. Не хочу, чтобы родители знали, что им удалось сломить меня.

– Как насчет еще одной сделки, которые вы так любите? Я помогаю удержать «Вудс энд Ко» на плаву, согласившись на эту помолвку. Не поймите меня неправильно, я действительно сделаю это. – Я крепко сжимаю край стула и, стиснув зубы, добавляю: – Но как только выйду из этого дома завтра утром, я не хочу иметь с вами ничего общего. *Никогда*. Все понятно?

Мама, растерявшись от моего внезапного заявления, замирает.

– Алекс!

– Александрия, пожалуйста. Тебе не кажется, что ты слишком остро реагируешь? – Мой папа выдавливает из себя смешок.

«Ох, он думает, что это смешно?»

– Нет. – Я качаю головой. – Ты говоришь, что любишь меня, что не хотел ставить в такое положение. Но ты *все равно* сделал это. Поэтому да, я не думаю, что ты меня действительно любишь. Если бы любил, тебе и в голову не пришло бы заключить с Гарри эту *нелепую* сделку. И ты бы определенно не обесценил мои чувства, как сделал две секунды назад.

Отец захлопывает рот.

– Так что я в последний раз сыграю роль послушной дочери. И дело даже не в вас. Я хочу, чтобы каждый сотрудник этой компании сохранил хорошо оплачиваемую работу, которая сможет прокормить их семью. – Я задвигаю стул и отхожу от обеденного стола. – Но что касается *нашей* семьи... ей конец. Потому что я больше не хочу ни с кем из вас разговаривать.

* * *

Они пытаются войти в мою комнату.

Я не впускаю их.

Они разговаривают со мной, снова и снова повторяя, как сожалеют о том, что сделали, как сильно любят меня, несмотря ни на что.

Я не верю им.

Они говорят, что откажутся от проекта с Гарри, освободят от сделки, если это заставит меня выйти и поговорить с ними.

Я прошу их оставить меня в покое.

Они сделали свой выбор.

Я сделала свой.

* * *

Я покидаю отчий дом еще до рассвета. Мне не хотелось, чтобы они после пробуждения снова пытались переубедить меня. А прямо сейчас я предпочла бы быть где угодно, но только не здесь.

Держась за лямки сумки, я последний раз оглядываю дом.

Я не чувствую ничего, кроме душераздирающей боли в сердце.

Пора уходить.

Когда я в конце концов добираюсь до своей новой квартиры, солнце только начинает выглядывать из-за горизонта. Яркие полосы красного, розового и оранжевого оттенков медленно растекаются по темно-синему и фиолетовому небу. Ласковые солнечные лучи проникают в окна квартиры, окрашивая все вокруг в приятные тона. Несмотря на то что официально я прожила здесь всего пять дней, это место больше напоминает дом, чем то, где живут мои родители.

Поставив сумку на пол, я включаю свет в гостиной и плюхаюсь на диван. Не знаю, сколько времени я сижу здесь, закрывая своими руками лицо, как будто пытаюсь тем самым защититься от всего на свете.

Я хочу спрятаться в собственных ладонях и никогда не выглядывать наружу.

Вчерашний день кажется альтернативной реальностью. Словно у меня остались лишь обрывки каких-то воспоминаний, но они не часть моей временной шкалы. Моей *жизни*.

– Алекс? – Знакомый голос разносится по квартире. Я наконец-то отрываю свои руки от лица, и мои затуманенные слезами глаза встречаются со взглядом Кары. – Алекс? Что ты здесь делаешь в такую рань? – обращается она ко мне хриплым ото сна голосом.

Я ничего не говорю.

Кара осторожно приближается ко мне.

– Алекс, ты в порядке?

Я качаю головой.

– Боже, Алекс. Ты меня пугаешь.

Открываю рот, но слова не идут. Кара садится рядом со мной, сжимая руками мои плечи. Беспокойство отражается на ее лице.

– Боже, что с тобой случилось?

Я обнимаю ее, и слезы, которые сдерживала со вчерашнего дня, вырываются наружу.

Глава седьмая

– О боже.

Кара зажимает рот рукой, пока я рассказываю ей обо всем, что произошло в «Вудс энд Ко», а также о том, что случилось между мной и родителями. Когда она наконец-таки получает все сведения о драме, Кара изумленно смотрит на меня и повторяет:

– *Бог ты мой.*

– *Знаю.*

– Значит, ты помолвлена.

– Ага.

– Со своим заклятым врагом?

– Ага.

– И ты должна участвовать в этом спектакле в течение трех лет, иначе «Вудс энд Ко» крышка.

– Угу.

– И ты решила перестать общаться с родителями, потому что они принудили тебя к сделке.

– Точно.

Кара валится обратно на диван, пытаясь осмыслить услышанное. Она смотрит на меня.

– Тебе бы с этой историей в мыльной опере сняться.

Я вытираю слезы, заливающие мое лицо, и откашливаюсь от застрявшего в горле смешка. Если и существует в этом мире кто-то, кому под силу добавить немного веселья в неудачный день, так это Кара.

– Я знаю.

– И что дальше? – интересуется она, обхватывая мою руку и крепче сжимая ее. Я благодарна за дружеские прикосновения; по крайней мере я чувствую, что не одна.

– Без понятия. – Я делаю глубокий вдох. – Ни Гарри, ни Дэниел не связывались со мной после того, как я подписала соглашение.

– Может, тебе удастся сохранить свою привычную жизнь. Может, тебе не придется кардинально все менять.

– Не думаю, что будет так просто, Кара.

Я ничего не слышала от Дэниела со вчерашнего дня. Я не сомневаюсь, что он, как и я, пытается переварить сделку, к которой его принудил отец. Отчасти мне даже жаль его, потому что Дэниела тоже лишили права выбора, но сложно в полной мере сопереживать его бедственному положению, учитывая, что ничего этого не случилось бы, не отправься он в свою распутную прогулку по Ибице.

Я смотрю на время, отобразившееся на телефоне, и издаю стон. Уже почти девять утра, а через двадцать минут начнется лекция, на которую нужно поторопиться.

Заметив перемену в моем поведении, Кара решительно качает головой.

– Ты совсем не выспалась. Лучше останься дома и отдохни.

– *Я в порядке*, – отвечаю я и мчусь в ванную, чтобы умыться. Меня даже не волнует то, что визжащую трубу до сих пор не починили. – Нужно попасть на занятия, иначе моя посещаемость пострадает.

– Не думаю, что тебя выгонят из колледжа, если ты пропустишь хотя бы одну лекцию, Алекс.

– Я в порядке, – снова уверяю подругу. – Я просто хочу почувствовать себя нормально, вот и все. Кроме того, это первая лекция по маркетингу, и я не хочу ее пропускать.

– Знаешь же, что первая лекция самая бессмысленная. – Кара, нахмурившись, прислоняется к дверному косяку ванной комнаты. – Послушай, я реально беспокоюсь о тебе.

Я прищуриваюсь, глядя на нее сквозь отражение в зеркале.

– Я не сломаюсь. Я в порядке, честно.

Ее губы дрожат.

– Я знаю, что это не так, но притворюсь, что верю тебе. Ради тебя.

Кара слишком хорошо меня знает.

– Сегодня мне просто нужно отвлечься, – говорю я, насухо вытирая лицо полотенцем, и направляюсь в свою комнату, чтобы запихнуть блокнот в сумку. Я беру телефон с дивана и протягиваю Каре.

– Возьми. Если мама с папой позвонят, скажи им отвалить.

Кара с опаской смотрит на мой телефон.

– Не уверена, что могу сказать подобное твоим родителям.

– Хорошо. Тогда передай, что это я сказала им отвалить.

– Окей. – Она выхватывает телефон из моих рук и кладет его в карман. – Теперь я буду у твоих родителей не в почете, да?

– Это вряд ли, ведь ты моя лучшая друга и всегда занимаешь мою сторону. – Я прижимаюсь к ее боку, сжимая в своих объятиях. – Спасибо, что выслушала меня. Мне это было необходимо.

– Без проблем. Если Дэниел доставит тебе неприятности...

– Я могу справиться с ним. Наверное.

– Если не сможешь, просто предоставь его мне.

– И что же ты сделаешь? Просверлишь своим взглядом в нем дыру?

– У тебя есть идеи получше? – выпаливает подруга в ответ.

– Я могу...

– Ты не можешь снова плеснуть в него выпивкой. Последние два раза подтвердили, что ничем хорошим это не заканчивается.

Ай. Я закатываю глаза.

– Ты отстой.

Она посылает мне воздушный поцелуй.

– Но ты все еще любишь меня.

Господи боже, надеюсь, сегодня я не повстречаю Дэниела. Мне хочется тишины и покоя, прежде чем придется неизбежно столкнуться с ним лицом к лицу, чтобы решить, как именно мы разругим эту ситуацию с помолвкой.

* * *

Вселенная действительно испытывает меня на прочность на этой неделе. Она прямо-таки отказывается дать мне хоть небольшой перерыв. Потому что как только я оказываюсь в аудитории на своей первой лекции, слышу знакомый голос:

– Ну, выглядишь ты дерьмово.

Дэниел Кэррингтон плюхается на стул рядом со мной, бросая сумку прямо возле моей. Достав свой айпад, он вытягивает ноги и закидывает здоровенные руки за голову, громко зевая.

Нет. Кармически невозможно *столько* раз сталкиваться с этим парнем. Клянусь, я всегда была хорошей... большую часть времени. Я отдавала Вселенной много хорошей энергии. Так почему же она так одержима попытками наказать меня?

Что должна сделать девушка, чтобы встретить кого-то, кто *не* является проблемным сыном миллионера?

– Спасибо, что подметил. Ты, верно, подзабыл, что мне плевать на твое мнение, – бормочу я, глядя прямо на лектора, который начал презентацию о наших курсовых работах на оставшуюся часть семестра.

Я решила, что лучшим планом действий на сегодня будет игнорирование Дэниела, настолько это вообще возможно, потому что у меня такое чувство, что он и дальше будет испытывать мое терпение, как надоедливый дитя-переросток, коим и является.

– О, я *знаю*, что тебе плевать. Видимо, именно поэтому ты выглядишь *так*, – подмечает Дэниел, излучая веселье. – Тебе следует что-то с этим сделать. Потому что как только новость о нашей помолвке попадет в прессу, об этом начнет трещать весь город, а ты своим видом подорвешь наш общественный имидж.

Не могу поверить своим ушам.

– Ты шутишь, да?

– Не вижу причин для шуток. – Он пренебрежительно приподнимает бровь. – В этих отношениях нам обоим нужно выглядеть одинаково хорошо. Я не могу быть единственным, кто тянет на себе основной груз.

«Это будут очень долгие три года, не так ли?»

– Знаешь, я очень надеюсь, что однажды ты захлебнешься в своем собственном дерьме, – рычу я, чувствуя, как раздражение внутри меня достигает пика. – Потому что оно уже начинает выходить из-под контроля.

Дэниел отшатывается и прижимает ладонь к своей груди.

– Ох, не просветишь, почему ты все сводишь к насилию?

– Не все, только когда речь заходит о тебе. Поэтому будет лучше, если мы не будем разговаривать друг с другом до конца этой лекции.

– И лишиться такого веселья? – поддразнивает он, взглянув на мое лицо. Я наклоняю голову набок и прикусываю внутреннюю сторону щеки, пытаюсь сдержать раздражение. Но это оказывается труднее, чем выслушивать двухчасовую тираду Кары об очередном бабнике, с которым она встречалась.

– Я здесь не для того, чтобы веселиться, – неохотно отвечаю я, закрывая лицо рукой и делая некоторые заметки. – Я здесь, чтобы стать лучшей на потоке. А ты мне мешаешь.

Дэниел посылает мне «ты-же-не-серьезно» взгляд. Он поворачивает голову, осматривая море студентов перед нами, большинство из которых изо всех сил стараются не уснуть.

– Это вводный урок, милая, – невозмутимо напоминает он. – И ты единственная, кто уделяет этому внимание.

Я дергаюсь от раздражения. Достаточно уже и того, что он – первое лицо, которое я встретила в кампусе после вчерашней катастрофы, а теперь он еще смеет высмеивать мой более чем обоснованный интерес к лекции.

– Почему ты вообще здесь? – огрызаюсь на него. – Это факультатив для второкурсников.

– Мне не хватило кредитов, чтобы перевестись в БУ, так что пришлось брать некоторые предметы на втором и третьем курсах, чтобы наверстать упущенное, – сообщает он как ни в чем не бывало. – Но поверь мне, я *никогда* не записался бы на этот курс, зная, что ты здесь.

«Что ж, это чувство взаимно, придурок».

– Ты специализируешься в области бизнеса? – спрашиваю я.

– Ага, – коротко отвечает он, теребя ручку пальцами. Он снова смотрит на меня, и в его глазах пляшут смешинки, пока он наблюдает, как я делаю заметки в своем блокноте. – Я не ожидал, что ты тоже интересуешься бизнесом.

– Я специализируюсь на архитектуре.

– Ну, это отстой.

Я бросаю на него укоризненный взгляд.

– Я не спрашивала твоего мнения.

– Я тоже не просил, чтобы меня принуждали к фиктивной помолвке, но вот мы оба здесь.

– Если я тебе так ненавистна, перестань со мной разговаривать. – Я стискиваю зубы.

Дэниел склоняется ближе ко мне и посылает холодную усмешку.

– Не будь такой горячкой, милая. На самом деле я разговариваю с тобой не потому, что мне этого *хочется*.

Вот оно! Это дурацкое слово.

Я закатываю глаза.

– Не называй меня так.

– Называть как? *Милая*?

– Да. Прекрати.

– Предпочитаешь, чтобы я называл тебя стервой, как на прошлой неделе? – Я сжимаю кулаки, но не отвечаю. Он воспринимает мое молчание как свою победу. – Да, я так и думал, – протягивает он, довольный собой. – Кроме того, наблюдать за тем, как ты корчишься, когда я называю тебя «милая» довольно забавно.

«Дорогое терпение, куда ты делось? Пожалуйста, возвращайся обратно, потому что я в шаге от того, чтобы отлупить этого идиота посреди занятия».

Я тычу ручкой в воздух.

– Я бы предпочла, чтобы ты вообще меня никак не называл. На самом деле, если бы ты держал свой рот на замке, чтобы я спокойно дослушала лекцию, я была бы тебе крайне признательна. – Я, нахмурившись, смотрю на него, а в моем тоне сквозит возмущение.

Дэниел скрещивает руки и смеется.

– Ох, да ладно тебе. Я просто играю с тобой. Не будь такой скучной. Неудивительно, что никто из одноклассников не садится рядом с тобой.

Злость вырывается из меня, приятное и хорошо знакомое чувство с недавних пор. Я тыкаю кончиком ручки в его плечо.

– Пожалуйста. – *Тыкаю*. – Не надо. – *Тыкаю*. – Черт тебя подери. – *Тыкаю*. – Разговаривать. – *Тыкаю*. – Со мной.

Дэниел тут же выхватывает ручку и сжимает мое запястье в тисках. Он придвигается ближе ко мне и своими магнетическими глазами встречается с моим взглядом. Мышцы на его руках смещаются и напрягаются, когда он крепче сжимает мою руку, и из моего рта вырывается тихий вздох. Его рот находится всего в дюйме от моего, и в животе у меня зарождается чужеродное ощущение, проносящееся по всему телу.

Мой взгляд падает на его губы. О боже, если он наклонится еще немного вперед, то наши губы наверняка соприкоснутся.

«Да уж, не только терпение ушло в самоволку, но и рациональность, по-видимому, тоже. Села на первый попавшийся поезд, крикнув вслед: «До встречи никогда, неудачница!», и взамен этого вонзила в мое тело щекощущую нервы похоть».

– Послушай, милая. – От его низкого, хриплого голоса в моем теле разгорается жар, а горячее дыхание посылает волну мурашек по коже. – Я презираю эту договоренность так же сильно, как и ты. Думаешь, мне хочется провести следующие три года, постоянно находясь рядом с тобой? Ты просто сумасшедшая. И поверь мне, когда я говорю, что ты совсем не в моем вкусе.

Я тяжело сглатываю. Его взгляд, как будто он сам почувствовал ложь в своих собственных словах, скользит по моему телу, пробегая от моих губ вниз, к выпуклости груди под зеленой майкой, к узким обтягивающим джинсам и медленно возвращаясь назад. Выражение его лица не поддается никакому прочтению. Мое тело дрожит от нервного напряжения, пока он смотрит на меня так, словно я обед из шести блюд, которые он не прочь попробовать.

Когда я наконец заговариваю, мой голос мягкий, слегка приглушенный:

– И хотя я уверена, что многие девушки убили бы за то, чтобы быть в твоём вкусе, мне жаль тебя разочаровывать, но я бы предпочла иметь соски длиной с палец, чем быть одной из них. – Я вырываю из его руки запястье. – И знаешь что? Мне нравится, как я выгляжу сегодня. На самом деле я выгляжу лучше, чем ты. Может, это тебе стоит сделать что-то с внешностью, мистер Спесивец.

– *Спесивец*. Это что-то новенькое. – В его тоне проскальзывает веселье.

– Спасибо. С голландского это означает «покровительственный и возмутительно напыщенный ублюдок».

– Звучит весьма правдоподобно. – Он слегка наклоняет голову. – Эй, раз у тебя столь большой словарный запас, подскажи, каким словом называть осуждающую всех мямлю? Для подруги спрашиваю. Кажется, слово начинается на «А» и заканчивается на «Лекс».

– О, иди к черту, Кэррингтон.

– Взаимно. Может, там и свидимся. – Он подмигивает мне, прежде чем вернуться к замечкам на своём айпаде.

Черт, я просто ненавижу, что он *так* хорошо выглядит, пытаюсь ненавидеть меня.

Лицо мистера Спесивца расплывается в ленивой ухмылке, пока он тыкает по экрану своего айпада.

– Складывается впечатление, что эта помолвка доставит нам обоим массу удовольствия.

Когда лекция заканчивается, я быстро запикиваю блокнот в сумку и выбегаю прочь. Я ни за что не останусь здесь для ещё одной моральной пытки. Сегодня у меня есть дела поважнее, в том числе безостановочно рыдать, упиваясь своим горем от того, что эта помолвка – настоящая, самая реальная вещь в моей жизни.

Но прежде чем мне удастся скрыться в дверях, Дэниел окликает меня.

– Да, и кстати, – кричит он, и я вздрагиваю, готовясь к худшему. – Мы съезжаемся!

Глава восьмая

Я надеялась, что Дэниел шутит. Но, конечно, ничего и никогда не бывает по-моему.

Я замираю, как только вижу это.

В нашей с Карой квартире снуют грузчики, которые таскают коробки со всеми моими вещами и переносят их в припаркованный внизу грузовик.

«О, бо-о-оже, нет».

– Какого черта здесь происходит?

Я бросаю сумку и размахиваю руками. Грузчики игнорируют меня, продолжая спускаться по лестнице. Я замечаю одного из мужчин, который только что вышел из квартиры с коробкой, заполненной моей одеждой, которую я вчера целый час запихивала в комод. Я делаю шаг вперед, преграждая тому путь.

– Какого черта ты делаешь с моими вещами?

Мужчина смотрит на меня пустым взглядом.

– Мы перевозим вещи в другое место.

– Что за другое место? – возмущаюсь я. – Мужчина пытается обойти меня, но я не позволяю ему этого сделать. – *Нет*. Отдайте мне коробку. Вы не можете перевозить вещи без моего разрешения.

Он хмурится.

– Извините, мисс, но вы не можете указывать нам, что делать.

– Прошу прощения? Тогда чьи приказы вы выполняете?

– Гарри Кэррингтона. – Он пожимает плечами и отталкивает меня в сторону, чтобы продолжить спуск по ступенькам.

Какого хрена?

– Но подождите... – Мой голос замолкает.

Не могу поверить, что это действительно происходит. Конечно же, это не было частью контракта: я прочитала его, *дважды*, чтобы точно знать, во что ввязываюсь. И я определенно не подписывалась на переезд всего через *неделю* после того, как съехала со своей лучшей подругой.

В этот момент из квартиры появляется Кара. Увидев меня, она тут же скрещивает руки на груди, а ее лицо выражает крайнюю степень недовольства. Должно быть, она вернулась сегодня с лекций пораньше и впустила грузчиков.

– Не хочешь мне что-то сказать мне, Алекс? – Ее лицо искажается от гнева. – Когда ты собирался сказать, что переезжаешь?

– Я не сказала тебе, потому что не *знала*, ясно? – отвечаю ей, с раздражением проводя обеими руками по волосам.

– Что ты имеешь в виду? – Она прищурилась. – Не знала, что съезжаешь? Так зачем они таскают твои вещи?

– Я не *знаю*, Кара. Я пришла две минуты назад. – Я вздыхаю. Ни за что на свете не уеду отсюда. Даже если квартира в дерьмовом состоянии, но это *мое* дерьмо, и я полна решимости остаться здесь во что бы то ни стало. Кроме того, я заплатила свою долю арендной платы за этот месяц, и она не подлежит возврату. – Можно мне мой телефон?

– Сейчас.

Она проглатывает свое раздражение и исчезает в квартире. Через минуту возвращается с моим телефоном и бросает его мне. Я была вынуждена сохранить номер Дэниела после подписания контракта, чтобы мы могли поддерживать друг с другом связь, несмотря на мой план полностью игнорировать его до истечения срока помолвки. Но, похоже, теперь это не имеет никакого значения, когда я со злостью нажимаю «Позвонить».

– Да? – В трубке звучит его ровный голос.

– Ты должен сказать своему отцу, что я ни за что не перееду из этой квартиры! Мои коробки никуда не денутся, как и *моя* задница!

Он издает недовольное рычание.

– Я говорил тебе, что мы съезжаемся. Видимо, ты была слишком занята, чтобы услышать...

– Я слышала! – восклицаю я. – Но это не значит, что я согласна. В контракте нигде не прописано, что мы должны жить в одном доме.

– Вообще-то прописано, – перебивает Дэниел. – Раздел 3С, пункт А: «Обе стороны должны приложить все возможные усилия для того, чтобы в течение трех лет помолвка была правдоподобной и убедительной в приемлемой степени в зависимости от общественного восприятия». Это означает, что нам придется жить вместе. Если верить словам моего отца, только таким образом можно будет продать всем нашу историю.

– Но этот пункт слишком размытый! Следуя этой логике, Гарри может примотать нас друг к другу скотчем на следующие три года. И мы согласимся на это, потому что оно тоже соответствует пункту договора, – возмущаюсь я.

– Эй, ты подписала контракт. Если тебя смущал этот пункт, ты должна была обсудить его с Гарри.

– Ну и мудака твой отец.

– Тебе не надоело бесконечно оскорблять меня и мою семью? – ворчит Дэниел. – Мне это наскучило.

– Я действительно не хочу переезжать, Дэниел.

– Ну, я тоже. Но мы отказались от своей свободы в тот момент, когда подписали этот контракт. Так что мы, похоже, застряли в ситуации, и ближайшее время другие люди будут постоянно принимать решения за нас, – резко отвечает Дэниел, явно раздраженный тем, что ему приходится распинаться в объяснениях. – Так что прекрати вести себя как ребенок и смирись.

– Что он говорит? – Кара подталкивает меня в плечо.

Я раздраженно вздыхаю, и она тут же отступает, прекрасно понимая, что мне нужна небольшая передышка.

Невероятно. Впервые в жизни я осуществила свою мечту стать независимой, жить за пределами кампуса и расширять свои горизонты с помощью новых и захватывающих впечатлений от колледжа, как это так жестоко отнимают. Теперь я вынуждена жить с мужчиной, который будто бы поклялся делать мою жизнь невыносимой, пока я живу с ним под одной крышей. И, несомненно, будут ограничения на то, что я могу и не могу делать, пребывая в новом месте.

Дэниел не *понимает*. Он может сколь угодно называть меня ребенком, но ему, вероятно, удалось испытать все, чего он когда-либо хотел, попробовать все, что приходило ему в голову, – если его пребывание на Ибике можно считать диким, но поистине незабываемым временем в жизни. Мои родители даже не позволили мне рассматривать другой колледж, который не находился в радиусе пятидесяти миль от места, где мы жили.

Мне потребовалось двадцать лет, чтобы наконец-то противостоять им. Мне с трудом удалось вырваться из их контролирующих рук, чтобы вновь оказаться в чьей-то ловушке.

– Алекс? – Голос Дэниела прорывается в динамик. – Алекс, ты еще здесь?

– Да.

– Я заеду за тобой, хорошо?

– Ни за что.

– *Я заеду*. Ты даже не знаешь нового адреса. И я предпочел бы проводить тебя до пентхауса лично, чтобы ты не попыталась сбежать.

– Воу, воу, воу. *Пентхаус*? – Мой гнев рассеивается, сменяясь приливом возбуждения. Не то чтобы это заставило меня добровольно съехаться с Дэниелом, но, черт возьми, теперь *эта* новость легче переваривается.

– Да. Самое лучшее жилье для моей самой любимой фальшивой невесты в роли заложницы, – отвечает Дэниел с горечью, которая, как мне кажется, направлена на его отца. Рада, что я не единственный член клуба «Я Ненавижу Гарри Кэррингтона». А то во время заседаний совета директоров мне становилось бы немного одиноко. – Так что оставайся на месте, ладно? Я уже в пути.

– Кэррингтон, клянусь, если ты приедешь сюда, я...

– Ради всего святого, ты можешь заткнуться хотя бы на секунду и сделать, как тебе *говорят*? – Его голос твердый и требовательный, опаляющий мое тело жаром. – Оставайся на месте. Я скоро буду.

А потом он вешает трубку.

– Значит, ты переезжаешь к Дэниелу, – подтверждает Кара, и я опечаленно киваю.

– Да. Видимо, я обязана сделать это по контракту.

– Это полная чушь.

– У меня нет выбора, Кара, – издаю стон я.

Кара оглядывается на квартиру и переводит взгляд на меня.

– А как же наш договор аренды? В договоре твое имя, – напоминает она с грустью в голосе.

Вот дерьмо. Еще одна вещь, о которой я должна беспокоиться.

– Не знаю, – бормочу я. – Я разберусь с этим, ладно? Обещаю.

Она поджимает губы, как будто пытается сдержать свое разочарование во мне. В конце концов она вздыхает, отбрасывает недовольство в сторону и заключает меня в свои объятия. Я крепче обнимаю ее в ответ, прижимаясь щекой к плечу, и хмурюсь.

– Черт подери, Алекс, – бормочет она. – Во что ты вляпалась?

Понятия не имею. И что-то подсказывает, что мне не понравится, куда это меня заведет.

* * *

Дэниел заезжает за мной на своей спортивной тачке, потому что, конечно же, у него должна быть хотя бы одна такая машина.

Он переоделся, и теперь на нем белая рубашка с воротником на пуговицах, облегающие черные брюки, кожаные туфли в тон, а образ довершала пара черных очков «Рэй-Бен» на носу. Его светлые волосы зачесаны набок, а несколько прядей спереди изящно спадают на глаза. Это определенно неожиданный шаг вперед по сравнению с тем, что я видела на лекции. Создается ощущение, что у меня запланировано свидание с этим мужчиной. В «Бэйзил Китчен».

Не-а. Я не полезу в эту кроличью нору.

И хотя мне ненавистно это признавать, но одежду он сочетал мастерски. Даже если он – отвратительная компания, то хотя бы будет радовать глаз своим внешним видом.

– Почему ты так выглядишь? – Я скрещиваю руки на груди, наблюдая, как он вылезает из своего «Ламборгини».

– Все благодаря тебе.

– Это был не комплимент, чувак.

– Я просто стараюсь хорошо выглядеть для своей невесты, а теперь и для соседки по квартире, – спокойно отвечает он. – В конце концов, сегодняшний день знаменует такое эпохальное событие для нас.

Меня сейчас стошнит.

– Я не сяду в машину, ты же знаешь, – сообщаю я как ни в чем не бывало, сильно дергая за рюкзак.

– Почему нет?

– Потому что ты можешь отвезти меня в отдаленное место, где потом убьешь.

Дэниел усмехается.

– И замарать свои прекрасные руки? Нет, спасибо. Если бы хотел убить тебя, то я, наверное, нанял бы киллера, чтобы убрать тебя.

– Может, наемник застрял в пробке, и ты появился сюда, чтобы закончить начатое.

– Хотя мне льстит то, что ты считаешь, будто бы мне сойдет с рук убийство, но я не убийца, – бормочет он, а затем широко улыбается. – Разве что убийца в постели.

– Ты себя слышишь, Кэррингтон?

– Да. А теперь ты сядешь в машину?

– Нет.

– Не то чтобы я *спрашивал*.

Я стискиваю зубы.

– Тогда почему спросил?

– Хватит, Алекс! – повышает он голос, и его раздражение с каждой секундой становится все более очевидным.

– Нахрена ты настаиваешь на совместной поездке?

Он проводит рукой по волосам, тяжело вздохнув.

– Слушай, если мы поедем на одной машине, это сэкономит топливо, верно?

Я фыркаю от смеха.

– Дэниелу Кэррингтону не наплевать на Землю-матушку? Ого. Вот так новость.

– То, что я веду себя, как мудак с девушками, не означает, что и с окружающей средой буду вести себя подобным образом. – Это, вероятно, самая странная вещь, которую я слышала из уст Дэниела Кэррингтона. – Так, может, ты избавишь нас обоих от проблем и сядешь, наконец, в машину? – Он придерживает пассажирскую дверь, жестом предлагая мне сесть. – Я знаю, что ты терпеть меня не можешь, и поверь мне, это чувство полностью взаимно. Но так будет проще для всех, и мы сэкономим кучу времени.

– И топливо, – добавляю я, просто чтобы убедиться, что он не забыл об этом.

– И топливо.

– Ладно, – бормочу я, еще раз взглянув на машину. – И это, я полагаю, куплено на деньги Гарри?

– Ты действительно настолько плохого мнения обо мне? – Дэниел закатывает глаза от моего комментария.

– И все-таки?

Он стискивает зубы, по-прежнему придерживая дверь.

– Просто сядь, – бурчит он.

Я, самодовольно усмехнувшись, забираюсь на кожаное сиденье.

– О-о, как мило. Как долго тебе пришлось выпрашивать у папочки игрушку?

– Говорит девушка, чьи родители до сих пор платят за аренду *ее* квартиры. Не думал, что ты лицемерка.

Я смотрю на него.

– Это подло.

– Не суди и не судима будешь, милая, – растягивает он.

Мне хочется рассердиться на него, но я знаю, что он прав, поэтому закрываю свою рот. Он забирается на водительское место и заводит двигатель. Вены, змеящиеся вокруг его рук, пульсируют, когда он сжимает рычаг переключения передач. Я сглатываю и отвожу взгляд, притворяясь, что я не из тех девушек, которых возбуждают вены на руках.

Вырулив с парковки, он, не отрывая взгляда от дороги, заговаривает:

– Кстати, тебе придется привыкнуть к тому, что я буду постоянно тебя подвозить. Не собираюсь упускать тебя из виду.

– Как романтично.

Он бросает на меня многозначительный взгляд.

– Это только ради того, чтобы ты не переступила черту и не навлекла на нас обоих неприятностей.

– О, такой святоша, как я погляжу. Вот только не надо притворяться, что причина, по которой мы оба застряли в этом бардаке, не в том, что ты решил заделаться порнозвездой.

– Этого бардака бы не *случилось*, если бы истощающиеся финансы твоих родителей не подарили Гарри эту золотую возможность.

– Эй, не то чтобы родители выбирали это. Они были в отчаянии.

– Настолько, что решили принести свою дочь в жертву, как ягненка на заклание.

Его комментарий заставляет меня вздрогнуть. Воспоминания о ссоре с родителями нахлынули на меня, как спирт на свежую рану. Я знаю, что они несколько раз пытались связаться со мной сегодня и оставили тонну голосовых сообщений. Какая-то часть меня сомневается, было ли хорошей идеей так поспешно отказываться от общения с ними, но в то же время я чувствую, что хоть раз в жизни должна быть эгоистичной и держать родителей на расстоянии – по крайней мере некоторое время.

Я скупаю по ним. Но существует причина, по которой мне пришлось сделать то, что сделала, и я собираюсь бороться за нее до последнего.

«Личное пространство».

– Слушай, – начинаю напряженным голосом. – То, что мы теперь «помолвлены», не дает тебе право диктовать, как мне жить. В отличие от тех девушек, которых ты водил в «Бэйзил Китчен», я не собираюсь охотно лебезить перед тобой и соглашаться со всеми твоими словами. Да, я понимаю, что нам обоим отведена определенная роль, но я все равно требую свободы выбора, пусть даже в мелочах. Я и так уже была вынуждена отказаться от своей прекрасной квартиры, в которую только что въехала, и я чувствую себя вдвойне паршиво, потому что мне придется исключить себя из договора аренды, оставив полную сумму на попечение Кары. Так что, как мне кажется, я имею полное *право* самостоятельно добираться до кампуса и обратно, – жестко говорю я. – Спасибо за предложение о совместном использовании автомобилей, но я, пожалуй, пасс. Мы и пяти минут в этой тачке не пробыли, а меня уже тошнит от твоей восхитительной компании. Гарри не получит фальшивую будущую невестку, которую он сможет контролировать, если она окажется в психиатрической клинике после того, как его сын доведет ее до безумия. – Я поворачиваюсь лицом к окну и тихо бормочу. – По крайней мере мы будем жить в пентхаусе, где достаточно места, чтобы избежать твоего общества.

Я замечаю, как выражение лица Дэниела меняется, но он все еще не сводит глаз с дороги. Судя по всему, в его голове проносятся мысли, и мне интересно, что они из себя представляют.

В конце концов он сглатывает и наклоняет голову.

– Отлично. Но если тебя нужно будет подбросить куда-нибудь, позвони мне.

– Хорошо.

– Хорошо, – повторяет он. – Кстати, мы на месте.

Дэниел помогает мне выйти из машины, и я следую за ним, пока мы проходим по роскошному вестибюлю, с мерцающим золотым освещением, отражающимся в мраморных полах, с экзотическими растениями в горшках, занимающими каждый угол, и массивной стойкой ресепшен на другом конце помещения. Дэниел приветствует администратора с более чем дружелюбной улыбкой, и она склоняет голову в знак признательности, пока румянец заливает ее щеки.

Он сейчас серьезно?

Я бросаю на нее неприязненный взгляд, а затем резко дергаю Дэниела за рубашку.

– Ты только что флиртовал с женщиной на глазах у своей фейковой невесты? – шепотом восклицаю я, когда мы заходим в лифт.

– Похоже, так оно и есть. – Дэниел наклоняется ко мне, и его грубый голос врывается в мои уши: – И что ты собираешься делать с этим, детка? Накажешь меня? Потому что это, черт возьми, не самый горячий образ, который когда-либо приходил мне в голову.

Тепло разливается по моему телу, вызывая яростные мурашки по коже. Он самодовольно усмехается, зная, какой эффект произвели на меня эти несколько слов.

Дэниел выпускает смешок.

– Боже, ты охренительно нетерпелива. Держу пари, что если я прикоснусь к тебе, то ты сама нагнешься и раздвинешь для меня ножки еще до того, как мы доберемся до нашего этажа.

– Отвали, – бормочу я и на случай, если он захочет это проверить, отхожу от него на пару шагов.

Что только заставляет его смеяться громче.

Двери лифта раздвигаются, и я никогда еще не испытывала такого облегчения. Дэниел достает из кармана ключ и отпирает дверь, ведущую в наш новый дом.

Пентхаус просто потрясающий. В нем чувствуется деревенская богемная атмосфера, а панорамные окна завешены эффектными зелеными шелковыми шторами. Полы, выложенные богатым темным паркетом из твердых пород дерева, украшают персидские ковры, а стены окрашены в темно-серый цвет, чтобы расширить пространство. В гостиной стоит большой коричневый кожаный диван и два схожие по стилю кожаные кресла, расположенные рядом с огромным камином, внутри которого потрескивает огонь. Пентхаус словно сошел с обложки журнала «Архитектурный дайджест».

– Как только мы подписали контракт, мой отец пригласил с полдюжины декораторов, чтобы обставить это место, – объясняет Дэниел, пока я неторопливо вхожу в квартиру, с благоговейным трепетом рассматривая интерьер. – Заплатил им в десять раз больше их обычного гонорара, чтобы они закончили все к сегодняшнему дню. Полагаю, тебе нравится это местечко? – спрашивает он, с умилением наблюдая за тем, как я разглядываю картины на стенах, которые, вероятно, стоят сотни тысяч долларов.

Если я покажусь ему чересчур взволнованной, он продолжит дразнить меня по этому поводу всю оставшуюся жизнь.

– Сойдет.

– Чушь. Ты в восторге.

Я игнорирую его, отказываясь уступать.

– Наши вещи скоро придут. – Он смотрит на свой «Ролекс». – Прямо сейчас, вообще-то.

Дверь тут же распаивается, и грузчики с коробками вваливаются внутрь.

– Превосходно, – бормочет Дэниел, прежде чем затеряться в толпе людей.

Итак, первый день жизни с Его Мудачеством Дэниелом Кэррингтоном официально начался.

Глава девятая

Я хочу жить здесь вечно.

Если Дэниел когда-нибудь услышит, как я говорю об этом вслух, будет припоминать мне про это до конца света.

Когда следующим утром я просыпаюсь в своей новой комнате, меня охватывает головокружительный восторг. Мои глаза сканируют окружающую обстановку, как будто я не могу насытиться картинкой.

Моя новая комната просторная, а все четыре стены выкрашены в чудесный лавандовый оттенок. Меня должно напугать, откуда Гарри прознал про мой любимый цвет, но в данный момент мне все равно. Мебель в точности соответствует моим предпочтениям, сочетая в себе современную элегантность и винтажный шарм. На стене, напротив огромной белой кровати с балдахином, размещены несколько книжных полок. Я пока не знаю, чем их заполнить, учитывая, что у меня с собой всего пять книг, поэтому просто оставлю это на потом. В остальном интерьер выдержан в мягких и нежных тонах: на стенах висят несколько фотографий цветов в рамках, чтобы, как я полагаю, скрасить мое плачевное положение, как бы говоря мне: «Жаль, что ты застряла в тюремном заключении на целых три года. Вот тебе маргаритки, чтобы ты чувствовала себя не так дерьмово!»

Хотя, не буду врать, это помогает. Немного.

Переодевшись в удобные шорты и обрезанную футболку, я отправляюсь на кухню посмотреть, есть ли что-нибудь на завтрак. Сегодня у меня нет никаких занятий, так что я просто закроюсь в своей комнате и наверстаю упущенное. Я каждый раз переживаю, когда приходится создавать макет для занятий, потому что совсем плохо разбираюсь в декоративно-прикладном искусстве, потому я почувствую себя куда лучше, вкусив перед этим приличный завтрак.

Я знаю, что холодильник полностью забит всевозможными продуктами, поэтому мне не терпится попробовать что-нибудь приготовить на скорую руку. Но у меня отвисает челюсть, когда я вижу, кто стоит на кухне.

Девушка. И не просто девушка.

Голая девушка.

Ее голая задница сидит на мраморной столешнице, пока она наливает себе сок из коробки. Она болтает перед собой безумно длинными ногами, а ее сиськи слегка подпрыгивают, когда она всем телом поворачивается в мою сторону, как только понимает, что уже не одна.

– Э-э... кто ты, черт возьми, такая? – рычу я.

– Упс, – бормочет она себе под нос и тут же пытается отыскать что-нибудь, чтобы прикрыться. Она бросается в гостиную, где хватает шерстяное одеяло, лежащее на спинке дивана, и заворачивается в него. – Ты его девушка.

– Я его *невеста*. – Я стискиваю зубы. – Почему ты голая на моей кухне?

– Мне так жаль, – извиняется она, подняв руки в знак капитуляции. – Он ничего не говорил про невесту. Клянусь, мы даже ничем таким не занимались прошлой ночью... Ладно, может, и занимались, но я не получила от этого удовольствия! Ладно, может, и получила, но...

Я направляю палец на дверь.

– Убирайся. *Вон*.

– Попалась. – Она хватается за свои остальные вещи с дивана и выходит за дверь.

Чьи-то яйца сейчас будут разорваны, как на специальной операции.

Я направляюсь напрямик в комнату Дэниела и распахиваю дверь. Он по-прежнему лежит в кровати, его глаза закрыты, а руки раскинуты по подушкам. Он полностью обнажен, одна его

нога вместе со своими причиндалами запуталась в простынях. На мгновение мой гнев отступает, когда я окидываю взглядом хорошо сложенное тело, изгибы мышц и выпирающий под простыней длинный и определенно твердый член. Я не уверена, чего ожидала увидеть у него между ног: вероятно, восьмиглавого демона или что-то в этом роде.

Думаю, я была близка к этому. Это и *есть* монстр.

Мне серьезно нужно потрахаться.

Мое внимание переключается на лицо Дэниела. Его губы неторопливо шевелятся, и я понимаю, что он что-то говорит.

– Что? – Я ошеломленно моргаю, глядя на него.

– Я сказал, постель еще теплая. Я готов ко второму раунду, – повторяет он с ленивой улыбкой, украсившей его лицо.

Наглость этого человека зашкаливает. Воистину.

– Поверить *не* могу, что ты только что сказал это, – говорю я хриплым голосом от того, что раздражение сжимает горло. – Ты всерьез считаешь, что я хочу прыгнуть в твою постель? Правда? После всего того дерьма, что ты натворил?

Он садится на кровати.

– Не надо отрицать этого, ты уже подумывала об этом, смотря на меня так, словно хотела прокатиться на мне верхом, как на механическом быке. Я просто подтолкнул тебя к этому выводу.

– Дело не в этом! – кричу я.

Он с трудом сдерживает улыбку, что еще больше злит меня.

– Ты – лицемерный сукин сын! Поверить *не* могу, что первым делом, проснувшись этим прекрасным утром, я увидела сидящую на кухонном столе какую-то голую девицу, с которой ты, вероятно, занимался сексом.

– Да, – соглашается он. – Именно это я и сделал.

Скрестив руки на груди, я говорю:

– Даже не попытаешься объяснить?

– Расслабься, милая, – протягивает он, раскинув руки на подушках. – Я был осторожен. И я заставил ее подписать соглашение о неразглашении, *очевидно же*.

Новая вспышка гнева пронзает меня, и я срываю на нем свое негодование.

– А знаешь, что *еще* очевидно? Тот факт, что ты укорял меня за то, что я могу переступить черту, когда сам только этим и занимаешься и даже не страдаешь от последствий! – Я невесело смеюсь. – Знаешь что? Я рада, что всегда была права насчет тебя. Ты мстительный засранец. И тебе нет дела *ни до кого*, кроме собственной персоны и своих потребностей, – выплевываю я, после чего вылетаю из его комнаты.

– Ох, да ладно тебе, Алекс. *Прости!*

Я слышу шуршание одежды позади себя, когда резко открываю холодильник, чтобы достать пакет охлажденного молока. Дэниел материализуется на кухне вскоре после того, как натянул на себя джинсы, которые опасно низко сидят на его бедрах, что, смею сказать, еще больше отвлекает меня от подавления гнева.

«Меня не сломит этот несносный, горячий полуголый мужчина. Ну уж нет».

– Я повел себя беспечно. Признаю, – серьезно говорит он.

– *Неужели?* – ворчу я, наливая молоко в миску с хлопьями. Я ложкой запихиваю содержимое тарелки в рот, все еще кипя от злости. – Кажется, у тебя сложилось впечатление, будто ты можешь выбирать, каким правилам этой сделки следовать. Может, ты так считаешь потому, что тебе нечего терять, учитывая, что именно твой отец получит огромную выгоду от этого соглашения, но я – теряю. *Мне* есть, что терять. У моих родителей не будет финансовой безопасности, если все развалится, а мне не хочется бросать колледж, когда мы окажемся на мели. Стоит *нам* облажаться, и все, ради чего я работала всю свою жизнь, окажется напрасным. –

Дэниел одаривает меня хмурым взглядом. Я отворачиваюсь от него, поджав губы. – Я готова пойти на жертвы, чтобы это сработало. И я уже сделала *это*. Возможно, тебе тоже стоит.

Он изучает меня пристальным взглядом своих голубых глаз, пытаюсь переварить мои слова. Думаю, ему никогда не приходило в голову, что, пусть я и презираю ситуацию, в которую меня загнали, я все же искренне хочу, чтобы все получилось. Возможно, он считает меня послушным существом – покладистым и безропотным питомцем моих родителей. Возможно, в каком-то смысле он прав, раз уж я решилась на эту помолвку, но успех этой затеи или ее провал также напрямую влияет и на меня, и на мои амбиции. И я *хочу* защитить их как можно лучше.

– Окей. Хорошо. Прости, – бормочет Дэниел, присаживаясь на один из барных стульев. Я озадачена его извинениями, ведь еще пять минут назад я думала о том, что он не способен на искренние извинения. Он прижимает ладони к лицу и вздыхает. – Послушай, эта сделка... мне тоже нелегко, ладно? И эта девушка... Я просто не подумал, это была ошибка. И мне жаль. Но ты ошибаешься насчет того, что мне нечего терять, – сообщает он, и эмоции затуманивают его глаза.

Мне хочется узнать больше, учитывая, что в его словах слышится какая-то ранимость, но я не осмеливаюсь спросить. А Дэниел, как будто услышав роящиеся в моей голове вопросы, прочищает горло и меняет тему:

– Я думаю, есть только один способ решить эту проблему. Нам необходимы правила, если мы хотим избежать повторения подобной ситуации.

– Хорошо... – соглашаюсь я, мое дыхание сбивается. – Что у тебя на уме?

– Итак, у меня есть одно правило: никогда больше не врывайся в мою комнату, как минуту назад. Даже несмотря на то, что ты вломила, чтобы заценить меня...

– Ну вот опять, – издаю стон я.

– ...Это вторжение в мою личную жизнь. – Дэниел берет рогалик из корзины со сладостями, стоящей на кухонной стойке, и откусывает от него кусок. – Не то чтобы я не находил захватывающим то, что привлекаю тебя в физическом плане, но лучше любуйся на меня в гостинной, на кухне или где-нибудь еще.

– Значит, ты планируешь разгуливать по пентхаусу полуголым?

– Не полуголым, милая. *Голым*. – Уголки его губ дрогнули в усмешке.

– Ха. Даже не думай.

– Да брось, детка. Признайся, что хотела бы увидеть это во всей бесцензурной красе. –

Он соблазнительно проводит пальцами по своему телу.

«*Не вздумай блевать, Алекс. Повторяю, НЕ ВЗДУМАЙ*».

– Ну уж нет. Пожалуй, добавим это в список правил. Тебе не разрешается расхаживать здесь голым, – заявляю я, упираясь локтями в столешницу. – Кроме того, больше не приводи девушек в нашу квартиру. И никаких отношений или перепихонов в других местах.

Дэниел выпускает долгий, разочарованный вздох.

– Ты просишь меня воздерживаться три года.

– Как я уже сказала, мы все должны чем-то жертвовать.

Он потирает свой подбородок рукой.

– Мне будет очень сложно избавиться от этой привычки.

– Мня не волнует это. Избавляйся!

– Хорошо! – Он вскидывает руки в знак поражения. – Но ты ведь понимаешь, что это распространяется и на тебя? Ты тоже не можешь с кем бы то ни было связываться.

Я поспешно отвожу взгляд.

– Не думаю, что это станет проблемой.

– Похоже на то. – Он склоняет голову набок и со скучающим выражением на лице скользит по мне взглядом. – Что-то я не заметил толпы парней, обивающих порог дома и требующих твоего внимания.

Я просто смотрю на него, затем бросаю миску с ложкой в посудомоечную машину и ухожу в гостиную. Он, посмеиваясь, следует за мной.

– Нужно больше правил, – требую я. – Если я хочу пережить следующие три года с тобой, мы должны убедиться, что ни один из нас не перейдет никаких границ.

– Верно. – Дэниел кивает, засовывая руки в карманы джинсов. – Какие предложения?

Я делаю паузу, чтобы подумать. Конечно, что-то настолько сложное, как наши фальшивые отношения, нуждается хоть в каких-то физических и эмоциональных ограничениях. Почти сразу же в голове всплывает еще одно правило.

– Мы не должны вступать в отношения друг с другом.

Он усмехается.

– Меня устраивает. Не вижу причин, по которым это может стать проблемой.

– Аналогично, – вскипаю я. – Ты мне противен.

– А я тебя презираю.

– Рада, что мы на одной волне, – довольно заявляю я.

– Итак, давай определим штраф, если кто-то из нас нарушит любое из правил. – Зловещая ухмылка расплывается на его губах, когда он присаживается на подлокотник дивана.

– Отлично. – Я задумалась о том, что больше всего взбесит его, но единственное, что приходит на ум, – это его «Ламборгини». Я борюсь с желанием хихикнуть. – Я начну. Если ты нарушишь какое-либо из правил, я возьму твою машину прокатиться.

Дэниел хмурит брови.

– Хорошо. Меня полностью это устраивает.

– Ох, дорогой. Ты и представить не можешь, насколько... ну... хорошо я вожу, Кэррингтон. Так что, когда я заберу твою тачку, ты, наконец, познаешь всю боль.

– Нет. – Он отчаянно качает головой. – Только не «Ламбо».

– О да. «Ламбо».

– Она стоит столько же, сколько этот пентхаус! – жалуется он. – Ни за что, черт возьми, на свете ты не тронешь мою машину.

– Ну же. Ты ведешь себя нелепо. Все будет *отлично*, – заверяю его, усмехаясь. – Пока ты соблюдаешь правила, твоя машина останется в целости и сохранности. Обещаю.

Дэниел раздраженно хмыкает, но в конце концов сдается.

– Хорошо. По рукам. А твоим штрафом будет... – Он некоторое мгновение размышляет, расхаживая по комнате в течение целой минуты, прежде чем я замечаю, как в его глазах мелькнула идея, и он издает негромкий смешок. – Итак. Я придумал. Если облажаешься ты, то я приглашу твою лучшую подругу на приятнейшее свидание. В «Бэйзил Китчен».

– Ни в коем случае. – Я качаю головой. – Мы не можем втягивать в это посторонних людей.

– Да ладно тебе. Все будет *отлично*. – Он бросает мне в лицо мои же слова, которые я сказала ему некоторое время назад. – И я не собираюсь ничего с ней делать. Во всяком случае, ничего такого, что доставит ей дискомфорт. Наверное, это будет просто приятный ужин, непринужденная болтовня и немного шампанского. – Безумная ухмылка растягивается на его лице, и я издаю громкий стон. – А ты не *сможешь* вмешаться или саботировать это свидание. Задумка в том, чтобы ты почувствовала себя как можно более некомфортно.

От одной только мысли о том, что Кара пойдет на свидание с этим *негодяем*, у меня сводит желудок. Я понимаю, что она не заинтересуется им, но тот факт, что ей придется несколько часов терпеть ухаживания Дэниела, является достаточным стимулом, чтобы вести себя наилучшим образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.